

Эльчин Гусейнбейли

Перевод Самире Кулиевой и Сиявуша Мамедзаде

Человек-рыба
(роман)

Его отправили охотиться за овцами, а меня за рыбой. Но в этом случае добычей был я...

Автор

Пролог

“Меняйся!” - сказали мне, предложив один - единственный путь - плыть по течению. Сначала я испугался, но потом, сам того не желая, медленно поплыл... поплыл по течению. Я был абсолютно счастлив, вода сама несла меня. Где-то лаяла собака...

Бабушка рассказывала Джиртдану сказку. Но он не соглашался с обычным раскладом сказки. Ему хотелось идти туда, откуда доносился лай собаки... Джиртдан избрал новое жизненное кредо: “Да здравствует жизнь без борьбы!”

1. Кишлинские сосиски, "Депрессиондайым" и таинственный звонок

Телефон зазвонил именно тогда, когда я жарил на электрической плите традиционные кишлинские сосиски и напевал себе под нос турецкую песню "Депрессиондайым". Эта песня была созвучна моему расположению духа, я остро ощущал сходство с горькой судьбой красивой женщины, исполнявшей ее, и мне хотелось непременно разделить с ней ее горе. Не скажу, что мне нравятся все песни. Мелодия должна быть обязательно на низкой тональности. Если я беру высокие ноты, мой голос напоминает крик петуха, подхватившего пневмонию. (Вы, конечно же, знаете, что происходит с такими петухами, мне не хотелось бы оказаться на их месте).

Все мои рассуждения по этому поводу не относятся к телефонному звонку. Я не поднимал трубку потому, что пел. И потом, сердце мне подсказывало: звонок не сулит мне ничего доброго.

Я готовлю себе еду в общежитии для беженцев, в советские времена здесь размещался научно-исследовательский институт, а теперь он вместе с телефоном передан людям, обретшим независимость. На самом деле беженцы сами, без всякого разрешения разместились в здании, присвоили его. Показатели ее величества независимости налицо.

Раньше я жил в большом, красивом доме... Теперь же вынужден ютиться в общежитии, внешний вид которой напоминает бомжа в латаной одежде. Вокруг нет ни одного деревца. В общем, какой-то кошмар.

Я несколько раз пропел песенку, и мой обед был готов. Я нажал на кнопку пульта телевизора. Телевизор "Супра" - моя самая ценная вещь в общежитии. По "АТV" передавали клипы, на этот раз азербайджанских исполнителей. Кого здесь только не было... От Назенин до Ильгара Сахиля. В целом удручающее зрелище. Наверное, поэтому телефон зазвонил второй раз. Но прежде я успел подумать о своем прошлом. Очередной раз почувствовав свою никчемность в 32 года, я снова проклял судьбу. Не судите меня строго, потому как у меня с ней свои счеты. Поэтому я ругаю судьбу и немного успокаиваюсь. И это совершенно объективно. Я не люблю ее, вот и все. Мне, кажется, судьба материальна и уродлива, как сварливая старуха, она преследует меня и хочет мне зла.

Я, кажется, уже говорил, что раньше жил в фешенебельном районе, в шикарной квартире, в которой было все: и джакузи, и замечательная итальянская мебель. И однажды все это рассеялось, как дым. Очень просто. Было, а теперь нет. Жил-был один несчастный парень в шикарной квартире с джакузи, в престижном районе... Наверное, так напишут в книгах. Именно подобные предложения будут использоваться в литературе в будущем, потому как язык изложения станет юрким, как в сказках.

Квартира была подарена мне тестем, пардон, экс-тестем. Я был повенчан с зажиточной семьей, что явилось началом моих страданий. Через 5 месяцев 10 дней 11 часов нашей супружеской жизни я был выброшен на улицу абсолютно без ничего. Я даже помню, в какую секунду это произошло, но не хочу быть занудой.

Странно, даже после того, как меня прогнали, я любил ее и теперь очень скучаю по своей жене. Не могу сказать про нее бывшая, потому что я с ней не разводился, она ушла от меня, вернее, ее заставили уйти. Постановление о разводе мне послал районный суд.

Стоп. До того, как я получил это злосчастное постановление, ко мне зашел свояк, брат моей жены. Я был в редакции. Особых дел не было, и я никак не мог забыть девушку, которая только что проплыла мимо моего окна. Как киноленту я прокручивал назад этот миг, чтобы вновь увидеть ее ладное тело. (Будь я проклят). Дежурный сообщил по телефону, что меня внизу ожидают. Я был рад, что меня оторвали от ненужных раздумий, потому как эти раздумья имеют обыкновение реализовываться. Без этого невозможно.

Перед редакцией, звеня ключами от машины, стоял Мехбалы (так звали брата моей жены Севиндж, и только за это его можно было расстрелять). Эта его привычка всегда выводила меня из себя. На ключах красовался брелок в виде голой женщины, которую Мехбалы все время поглаживал. Без всяких приветствий, как бы игнорируя меня, он начал разговор:

- Поблизости есть какая-нибудь чайхана, давай посидим.

Я не любил этого человека, думаю, из-за его имени. Так звали его деда с отцовской стороны, и не трудно догадаться, кто именно наградил моего свояка именем Мехбалы. В общем, стоило мне его увидеть, как я начинал злиться, язык становился костяным, и я терял дар речи. Мне казалось, что я уменьшался, а вещи на мне ветшали. Наверное, со стороны это было жалкое зрелище.

Мы пошли на бульвар и зашли в первую же попавшуюся чайхану. Правда, это заведение скорее напоминало кебабную, из кухни наружу валил запах сырого мяса. Мехбалы зажал нос и уселся. Наверное, отродясь не был в подобных местах. Он посмотрел на меня бессмысленным взглядом, снял с руки часы фирмы "Ориент" и положил их прямо перед собой, так, как будто засекал время. Скорее вел себя так для понта, потому как более важных дел, чем посещения ресторанов и бильярдных, у Мехбалы не было. Отсутствие у него человеческой сущности вмиг превратило чайное заведение в совершенно

бессмысленную штуку. Все аксессуары чаепития, от чайников до пепельниц утратили свое предназначение. Вот и чай, разлитый в засаленные стаканы типа армуды, был абсолютно без вкуса.

Мехбалы некоторое время разглядывал стаканы, стены, затем с важным видом начал беседу. Беседой это было трудно назвать.

- Так нельзя, - говорит. - Уже 4 месяца как вы развелись, а документов нет.

- До четырех месяцев еще целых три дня осталось, - запротестовал я.

- Какая разница, три дня ничего не меняют.

- Вы заблуждаетесь, - я специально перешел на официоз, - три дня имеют для меня огромное значение и, если хотите знать, жизненно важное. Четыре месяца назад мы были вместе и еще три дня могли бы... - Я еще что-то говорил. Обвинял его отца, мать и деда-ветерана, который нас благословлял.

Мехбалы, молодец, выслушал меня до конца и продолжил свое бормотание:

- У каждого своя судьба, и нельзя никого силком удерживать... - Он замолчал.

- Что-то ворон в Баку много стало,- сказал я. Эта фраза была невпопад, но мой свояк этого не заметил. Он вообще меня не слышал. Все, что он говорил мне, было предельно ясно, он давно хотел разбить мою семью. И теперь победоносно, я бы сказал, с удовольствием, говорил мне эти слова. (Мои слова для него гроша не стоили, который я нашел на станции "Ял - Оба").

- Мы не разводились, вы запретили нам быть вместе. - Я смотрел в сторону, мне не хотелось столкнуться с ним взглядом.

Неподалеку играли в бильярд. В какой-то миг бильярдным шаром оказалась голова Мехбалы. Молодой человек толкал голову кием. Но голова-шар мерзко улыбалась и никак не падала в лузу. «Бей, бей еще раз!» - кричала голова и громко смеялась. Этот эпизод я неоднократно видел во сне, а теперь все происходило как будто наяву. Мне стало очень хорошо.

- По идее вы вообще не должны были пожениться, - продолжал свояк. - Это было ошибкой. Как можно отдавать девушку писаке. И мой отец был такого мнения, и мать. Только дед вот настоял. Говорил, что нельзя сватьям отказывать. Беженец все равно что сирота. Вот отец и

подумал, что из тебя что-то слепить можно будет. Ну, хотя бы редактора какой-нибудь газеты. И Севиндж - твоя бывшая - тоже не первой свежести была. Она вообще с детства странностями отличалась. Наверное, понимаешь, о чем я говорю? Замужество не входило в ее понятия.

Я снова запротестовал: - «Не надо от имени сестры говорить. Она была гораздо добрее и искреннее, чем вы все».

- Да, добрее, - вдруг согласился Мехбалы, наверное, чтобы скорее завершить разговор. Но вообще поспорить он любил. Порой специально провоцировал людей, опровергая общеизвестные факты и просто выводил их из себя и получал от этого неопишуемое удовольствие.

- А ты так и не стал ни хорошим мужем, ни редактором газеты, ты даже не смог стать каким-нибудь дебильным политиком. Ты же не врубаешься, что такое ответственность. Я с самого начала подозревал, что у тебя в голове ни фиги нет. Может, там что-то и есть, но точно не мозги. Солома, наверное. Если бы ты хоть комсомольцем что ли был, дальше в партию или в профсоюзы подался. Там как раз таких никчемных, как ты, брали. И мозгов не нужно было. Но на твою беду, они тоже развалились. А сейчас уже другое время. Аферистом нужно быть и наживаться. Но это у тебя никогда не получится...

Мехбалы закончил свою речь и страдальчески вздохнул. Я молчал, потому что точно знал, что мой экс-своjak перепутал содержимое в моей голове со своей собственной. Конечно, я мог бы возразить, но я был абсолютно равнодушен как к собеседнику, так и к его умозаключениям. Я только заметил, что, если бы Севиндж хотела со мной развестись, она мне об этом сказала бы, хотя бы по телефону.

- Она меня и сейчас любит.

Мехбалы покачал головой.

- Семья - дело тонкое. Мужчина должен достаточно зарабатывать, чтобы жена никому не завидовала. А у вас все наоборот. Севиндж просто неудобно было тебе все сказать, вот и все, - сказал Мехбалы и добавил, что мы, мол, оба молодые, к счастью, детьми не успели обзавестись, и никакой другой веской причины быть вместе вроде нет.

"...к счастью, нет детей..." - какое же это счастье, подумал я и виновато произнес: - А могли быть...

- Короче, - продолжал своjak, - в пятницу в суд придешь, и закончим с этим делом.

- Никуда я не приду! - Чтобы скрыть волнение, я отпил изстакана уже остывший чай.

- Ну, как знаешь, - сказал мой экс-родственник, надел на руку часы и ушел прочь.

Я почувствовал себя обмякшим резиновым лоскутком, который когда-то был воздушным шаром. Минут через 15 я очнулся, расплатился за чай и удалился. Сволочь, даже за чай не уплатил.

Месяц спустя после нашей встречи мне прислали постановление суда о разводе. Даже после этого я не поверил, что не любим своей женой. После того, как меня вышвырнули из дома, Севка (так ее все звали) позвонила и, захлебываясь от слез, сказала мне, чтобы я пришел за одеждой. Мои книги, бумаги, газетные подшивки полетели вслед за мной, а вот про шмотки они забыли. Может, даже мне показалось, что Севка плакала, во всяком случае, мне этого хотелось. И даже за это я был ей благодарен.

И теперь, сидя в общежитии монстров и уплетая сосиски, я вспоминал замечательную стряпню жены и страшно тосковал. Я же говорил вам, что не могу жить без грусти. Тоска, грусть - моя муза. Тот, кто живет без грусти, лишен памяти, а без памяти человек, как цветок без запаха. Это одно из моих открытий периода независимости. Вообще у меня много открытий, и постепенно я ознакомлю вас со всеми.

Жаль, я не забрал с собой одну из ее вещей, так мне казалось бы, что она рядом. Я хотел было взять что-то на память, как вдруг в дверь постучали, растерявшись, я быстро схватил собранные женой чемодан и сумку и встал по стойке смирно у двери. А Севка от смущения, что ли, несколько минут бегала по комнатам, и на меня напал приступ смеха. Почему-то я вспомнил Моллу Насреддина и его несчастную корову. Выпученные Севкины глаза напомнили мне глаза именно этого невинного животного.

Клянусь честью, я даже не понял, над кем смеялся: над собой или над ней. Может быть, я хотел подавить свое смущение. Мне вообще в критических моментах всегда смешно бывает. Поэтому я стоял в дверях и украдкой смеялся. Когда Севка случайно посмотрела на меня, от удивления у нее заметно искривился рот. Я ее, конечно, понял. Она хотела сказать, что, мол, я из-за него переживаю, а этот идиот смеется. Наверное, поэтому сердито пошла открывать дверь. К счастью, то была молочница, принесла гатыг. Севиндж с детства обожала молочные

продукты. А ее мать никак не давала забыть эту привычку, вот и посылала каждый день молочницу к нам домой. Улучив момент, я выскочил из квартиры и был необычайно этому рад. Я представил, что на месте молочницы могли оказаться мой тесть или дылда-свояк. Мне пришлось бы выслушивать их бред, и, как любой уважающий себя мужчина, я должен был прибегнуть к другим методам, нежели просто к словам. Но это невозможно, не то, чтобы я боялся их, просто очень любил свою жену и не хотел причинять боль близким ей людям. Кажется, я слишком много говорю о своей личной жизни... Дальше будет интереснее. Теперь перейдем к сути....

2. Кнопки пульта от телевизора похожие на соски женщины

Когда телефон зазвонил в очередной раз, сосиски находились в стадии переваривания у меня в желудке, и я просто переключал каналы телевизора. Кнопки пульта от телевизора были необыкновенно мягкими, какими бывают женские соски. Прикасаясь к ним, я получал особенное удовольствие и продолжал думать о бывшей жене. Она действительно была красива. Длинные, черные волосы, стройная фигура, белое и скользкое, как у рыбы, тело. Да, моя супруга была похожа на рыбу. Каждую ночь я ловил ее. Ловил, а потом выпускал. Странная была привычка. Нас точно сглазили, и счастье мое вмиг оборвалось. Меня выпихнули из квартиры, даже не пригласив полицию. Они сделали это без особых усилий. Просто с позором, на глазах у соседей, выкинули на улицу. Тогда впервые я увидел, как Севиндж плакала.

Я признавался своей жене в том, что до нее у меня не было друзей. Правда, товарищей было много, а вот друзей нет. Всегда быть вместе, втайне от всех заниматься какими-то темными делами - вот это дружба. А говорить просто, что вот этот человек - мой друг, и кичиться этим никуда не годится.

Севиндж была для меня прекрасным подарком судьбы. Гисмет, как говорится. Я понял это, как только увидел ее. А влюбился до того, как понял. По натуре я не очень влюбчивый человек. Да и особых критериев для любви у меня тоже не было. Но я могу полюбить пуговицу на женском платье, мизинец женщины или даже заколку. Опять же точно не могу определить, за что я люблю женщину. Да и не нужно мне это. Главное то, что я чувствую.

С Севиндж нас свела зубная боль. Именно из-за нее я провел очередную бессонную ночь и, проклиная всю свою челюсть, пошел в поликлинику. У зубного кабинета выстроилась очередь. Терпеть я больше не мог и сокрушался по поводу несчастной доли моего необуздаемого зуба. А когда-то его появление было настоящим праздником. Моя бабушка-толстушка, счастливая, вся согнувшись, готовила хадик (каша из злаков), чтобы раздать его соседям. А мой вероломный зуб, позабыв о тех замечательных днях, медленно убивал меня. К счастью, у одного из кабинетов было пусто. Дверь раскрылась, вышла Севиндж. Тогда, конечно же, я не знал, как ее зовут. Я моляще посмотрел на нее. Вы представляете мое состояние. Бессонная ночь отразилась на всей моей внешности, особенно на глазах. Они стали красными, как у быка. Может быть, именно этот факт заставил Севиндж взглянуть на меня. Она смотрела на меня с таким сочувствием, будто чувствовала то же самое. Мне казалось, что она хочет погладить меня по голове и прижать к груди. Я увидел ее полную любви грудную клетку, а на ней ритмично двигающиеся маленькие, как резиновые мячики, груди. Кстати, в этот момент зубная боль немного унялась. Но самое сильное впечатление оказала на меня пуговица ее медицинского халата, которая просто вонзилась мне в голову. Я без памяти влюбился в эту пуговицу. Пуговица на женской одежде - вообще очень волнующий и притягательный элемент. Равно как существуют атрибуты государства: гимн, герб и т.д. Применительно к женщине - это пуговица. И еще, если позволите, кружевное нижнее белье. Да, непременно кружевное. Другое меня не волнует. Я думаю, что, может быть, именно из-за волнения Керем не смог расстегнуть платье Асли (главные персонажи народного дастана). Я говорил как-то, что женщины, как деньги. Когда их находишь - волнуешься, а теряешь - сокрушаешься.

Ну, да ладно, пока моя фантазия не перешла все грани приличия, пойдем дальше...

- Вы ждете меня? - спросила Севиндж.

Я тут же согласно кивнул головой.

- Пожалуйста, проходите. - Севиндж учтиво пригласила меня в кабинет. Позже я под разными предлогами приходил в этот кабинет. Уже потом, когда с мороженым в руках мы бродили по тесным улочкам старого города, подальше от людских глаз, Севиндж призналась мне, что я был ее первым пациентом. До меня никто не доверял молодой и

красивой дантистке вырвать зуб. Когда она говорила об этом, ее глаза блестели от слез. Я ждал, пока слезы покатятся по щекам, чтобы прижать ее к себе, но они тут же застывали в уголках глаз, как бусинки. И мое желание увеличивалось.

Севиндж объяснила недоверие к ней, почти враждебное, тем, что ее отец был очень богат. И люди просто не хотели верить в то, что девушка из зажиточной семьи могла быть хорошим специалистом. А я совершенно случайно стал ее пациентом.

После того, как мы поженились, Севиндж призналась мне еще в одном, когда она увидела меня впервые и первый раз выдернула зуб, у нее навсегда зародилось чувство, которое она физически ощущала под грудью, и заканчивалось оно где-то под пупком.

Как до женитьбы, так и после нее мы с Севиндж любили рассказывать друг другу о своем детстве. Рассматривая фотографии, мы сожалели о том, что когда-то жили, не зная друг друга. Нам хотелось вернуть время, чтобы провести его вместе. Моя супруга задавала массу вопросов. Ее интересовало все, как маленьких детей. Я ни капельки не уставал от ее расспросов, наоборот, отвечал ей с удовольствием, и это было самое малое, что я мог для нее сделать.

- У вас деревья были в деревне?

Я кивал головой.

- А речка была?

- И речка... Какая же деревня без речки, сада.

- А ты на деревья залезал?

Я снова кивнул.

- А в речке купался?

- Ну, конечно! - смеялся я.

- Ой, как здорово! А меня возьмешь в деревню?

- Возьму.

- Правда, возьмешь? - И смеялась, потом нежно клала голову на мое плечо и долго смотрела куда-то вдаль. Наверное, представляла себе нашу деревню.

- Я только однажды была в деревне. Помню персиковое дерево все в цвету. Пчелы кружились вокруг цветов, пели свою песенку. Я полезла на дерево, хотела было погладить пчелку, та меня ужалила, и я свалилась на землю. Больше отец меня в деревню не брал. "Не твое это место", - говорил. - А ты отвезешь меня, ведь правда отвезешь?

Я утвердительно кивнул головой, а она посмотрела на меня благодарным взглядом. В эти минуты я любил ее еще больше...

Я был счастлив ровно 1 год, 5 месяцев и 10 дней. После того, как мы поженились, в организме моей жены произошли какие-то изменения, и она очень болезненно переносила месячные. Вплоть до того, что ее приходилось укладывать в больницу на 2-3 дня. Каждый месяц мы на несколько дней переносили свой семейный очаг в больницу, и я, как преданная собака, был вместе с ней и ее болью. Несколько дней моя жизнь зависела от менструального цикла моей супруги. В те дни она была мне особенно дорога. Севиндж была первой женщиной, которая всецело принадлежала мне, и человеком, избавившим меня от зубной боли. Теперь была моя очередь облегчать ей страдания.

В разлуке я представлял, как она, подобно беспомощному ребенку, корчится в своей постели от неумолимой боли, пронизывающей ее тело, и меня долгое время не покидало ощущение щемящего беспокойства...

Проклятый телефон никак не унимался, как будто звонивший точно знал, что я дома, видел меня, даже читал мои мысли и непременно хотел сделать мне плохо. Он зазвонил еще в 11-й раз. Каждый звонок отдавался ударом молотка в правое полушарие так, что я мог думать только левым. Видимо, из моей головы хотели выковать волшебный меч. Представляю, какой меч может получиться из моей головы, если еще украсить его алмазами, запросто можно преподнести в качестве дорогого подарка главе государства. А вдруг это звонила Севиндж? Эта мысль только что пришла мне в голову. Я устремился к телефону и был зол на себя, что не брал трубку до сих пор. Телефон - он как человек. Не знаю, как вы, а я с ним разговариваю, особенно, когда скучно бывает. Есть в телефонной трубке что-то интимное, порой я часами держал ее в руке, поглаживал, и в голову приходили всякие там мысли....

На 12-м звонке схватил трубку. От внезапной тишины я немного успокоился. Но и на том конце провода также было тихо.

3. Незнакомый звонок и человек-телефон

Я снял трубку после 12-го звонка и сказал: «Алло». Мой голос прозвучал очень отдаленно, словно со дна глубокого колодца. На линии что-то захрипело, потом зазвенело, как будто кто-то в пустоте настраивал гитару, и похожий на мой собственный голос ответил:

- Алло.

Сначала я подумал, что это мое эхо. Но алло повторилось еще раз.

- Да, слушаю, кто вам нужен? - вежливо спросил я. Услышав мужской голос, я немного опешил и сказал: - Вы, наверное, ошиблись номером?

Голос, назвав мои фамилию, имя, профессию, рабочий адрес и получив у меня подтверждение, сказал: «Мы никогда не ошибаемся».

Голос говорил во множественном числе, скорее потому, что на том конце провода он был не один. Говорил он четко и строго, даже устрашающе. Таким людям невозможно перечить. Он резко и надменно сказал: «Нам нужны именно вы».

Странно, я только раз был кому-то нужен, тогда и женился. Вообще-то это была точка зрения моего экс-тестя. Но я не оправдал оказанное мне доверие, поэтому меня вышвырнули на улицу. Конечно, они могли бы мне предложить самому уйти, но не предложили. Они долго мне пытались навязать, что неоднократно требовали покинуть их дом, вроде бы я не соглашался. Это была абсолютная ложь. И выдворили меня совершенно неожиданно. Я как раз в это время размышлял над очередной статьей в газете, и наносить кому-либо вред не входило в мои планы. Статья была про очень короткие ноги английской породы кур. Мне хотелось напомнить любителям яичниц о мучениях, которым подвергается английская курица в момент несения яиц. Но, может быть, и к счастью, мне не дали завершить мое произведение.

Пока я размышлял, мой собеседник закурил, я услышал, как чиркнула зажигалка, и представил, как он удобно располагается в большом, мягком кресле, такие люди сидят не на стуле, непременно утопая в мягких креслах, но и геморроем они страдают чаще других. Я спросил:

- Простите, а зачем я вам понадобился?

Трубка молчала, может, советовались.... Хотя они-то, наверное, точно знали, зачем звонили.

Наконец незнакомец заговорил: «Скорее, мы вам нужны...»

"Точно, советовались..."- подумал я и только промычал в трубку.

- Мы прочитали ваше интервью и хотели бы поближе с вами познакомиться. Когда мы можем встретиться? - спросил человек-телефон и затянулся сигаретой так, что дым чуть было не вывалился из моего телефона.

Я представил нос моего собеседника, почти как на картине Пикассо, и валивший оттуда дым. Он говорил как "нью азербайджанец", сейчас модна подобная манера поведения и разговора. Коротко и ясно. А главное, с одолжением.

- Вы о каком интервью говорите?- спросил я, как очень популярная личность, интервью с которым печатается чуть ли не в каждом издании.

Человек-телефон напомнил мне об интервью, вышедшем примерно месяц назад.

- Помните?- спросил голос.

- Помню - ответил я.

- Правда?

- Правда, - говорю.

- Мы расследовали.

- Что расследовали?

- То, о чем вы написали. Вы периодически об этом писали, и мы решили, что, возможно, понадобится друг другу, - сказал голос и опять глубоко затянулся сигаретой.

Как мы могли друг другу понадобиться? Странно, но голос, не дав мне возможности поразмышлять над его словами, спросил:

- У вас проблемы, не так ли?

- Да, есть немного, но они вас не касаются. Это личное.

- Что касается вашей супруги, это действительно нас не касается, хотя и об этом у нас достаточно информации. Разговор идет о проблемах в вашем творчестве и материальном благосостоянии, потом он сделал паузу и добавил: - Если хотите, и о вашей жене. Вы можете все исправить, причем с легкостью.

- Что могу исправить?

- Жену..., вернее проблемы в вашей личной жизни.

- Но как?

- Вот это уже не телефонный разговор. Мы должны непременно встретиться.

Я заявил, что не имею ни малейшей охоты с кем-либо встречаться.

- Подумайте хорошенько, все равно мы в курсе всего и просто так от вас отставать не собираемся. Все это делается во имя вашего же блага. Мы еще позвоним, - сказал голос, и не попрощавшись, повесил трубку.

Да, мне знаком такой тип людей, которые всегда добиваются, чего хотят.

Интересно, на что это он намекал: "Мы все знаем". Все, что им могло быть известно, это то, что было написано в моей статье, в принципе секретов у меня не было. Я впал в раздумье. Вспомнил детство, все, что со мной приключилось до сих пор. Ну никакого криминала!

Если, конечно не учитывать то, что я воровал груши в соседском саду, таскал за косички девчонок, думал про них разные неприличные вещи. И потом, даже эти дела давно уже закрыты из-за истечения срока. Сейчас мы живем в свободной стране. Да к тому же члены Совета Европы. Из американских фильмов мы узнали про демократию, изучили тысячи приемов самообороны, и нас не так-то просто напугать. В критический момент попрошу известного адвоката жалобу написать от моего имени в Европейский суд, а известная правозащитница создаст комитет защиты моих прав. Можно и армянских делегатов привлечь для такого случая.

В общем, волноваться мне нечего. Но человек-телефон говорил так, что у меня мурашки по коже поползли. Ну и дела.... Нутром я чувствовал, что от этого человека исходит опасность, нужно быть осторожнее.

С этими мыслями я собрал скатерть-газету и выбросил в мусорное ведро. Эта привычка осталась со студенческих времен. Посуды у меня тоже не было. Мыть ничего не надо, и комната чистой остается. "Мы все про вас знаем. Хорошенько подумайте...", - отдавалось у меня в голове еще долгое время. Именно после этих слов куда-то исчезли мои чувство юмора и жизнерадостность. Я стал другим человеком и ушел в себя. Я сидел в кратере спящего вулкана и смотрел на звезды, именно там мне хотелось найти пристанище.

4. Майский праздник и время умирать

На дворе был апрель, но пахло маем. Я вспомнил первомайский праздник. Жаль, что после обретения независимости прежних праздников стало меньше.

Мы с нетерпением ждали майский праздник, шли на парад с цветами, шарами в руках и приветствовали стоящих на далекой трибуне руководителей в красивых галстуках. Сейчас и этого нет. Руководитель есть, а вот цветов уже нет. Цветы возлагают только к бюсту руководителя. Причем в одном из городов моей родины все это

происходит на втором этаже исполнительного комитета города. Эта инициатива исходила от главы исполкома. Это именно тот глава, который во время проведения Лиссабонского саммита, где собрались киты политики, свято верил, что саммит - это название города в городе Лиссабоне.

Майский воздух был замечателен и находился в прямой противоположности с моим состоянием духа. Я всегда говорил: «Весной нужно умирать». Правда, ученые об этом что-то говорили уже. В любом случае я приписываю это открытие, как открытие переходного периода, себе. Весной, когда пробуждается земля, как бы призывая к жизни, возникает некоторый конфликт с пессимистическими направлениями души человека. Когда эти два полюса сталкиваются, возникают пропасть, пустота. Человек остается жив, если уходит от нее, если же он приближается к пропасти, то непременно погибает. Я же не относился к подобным типам. Я любил жизнь весной, вернее жизнь любила меня весной.

Телефонный звонок окончательно испортил мое настроение. Меня могут убить. Куда бы я ни убежал, все равно найдут. Я им нужен. Они всегда так, чтобы добиться поставленной цели, сначала тебя похорошему обрабатывают. Я это уже видел в кино!

Мне бы не хотелось умирать весной. Правда, я еще не решил, когда бы мне хотелось это сделать. Может быть, хорошо умереть, когда идет снег или в ненастную осеннюю погоду, или же в жаркий августовский день. Но надо учитывать, что зимой холодно, я могу простудиться, летом сгнию быстро, а осень скучна, докучлива. Одно я знал точно, что весной умирать не хочу. Когда птицы воспевают весну, везде стрекочут кузнечики, псы ловят мух, цветут деревья и зеленеет трава, умереть было невозможно. Я очень люблю жизнь, и, как уже говорил, жизнь любила меня именно весной. Наверное, моя нерешительность в определении времени смерти продлевает мою жизнь. Из-за этого Его Величество Главный Диспетчер считает несправедливым принять роковое решение. И за это я Ему благодарен. Он и вправду великодушен и терпелив.

Я очень чувствителен к поэтическому изображению смерти. Скорее, у меня сюрреалистическое видение смерти. Даже представляю, как из моего трупа вылезают черви, и мне становится жутко противно.

«Смерть - это не конец человеческой жизни, даже не его продолжение. Смерть - это самое что ни на есть начало». Это также одно из моих открытий переходного периода.

5. Иа..., Я и 3, 4 километра

Я продолжал думать про свою ничтожность и величие Бога и не заметил, как стемнело. Натянул кроссовки, подаренные мне женой, и вышел на улицу. Севиндж купила их не на отцовские, а на свои деньги, поэтому к обуви я относился с особой трепетностью, как к самому родному человеку. Резина на кроссовках отклеилась, глядя на них, я вспоминал мультяшного ослика Иа, и мне становилось грустно.

Я побродил по улицам и дошел до метро, спустился и доехал до другой станции, там вышел. Путь, равный 3,4 км, - мой вечный и неизменный маршрут. Назойливые солнечные лучи падали на горделивый памятник великого писателя. Каждый день я приезжал сюда, чтобы посмотреть на него, иначе я не мог поверить в свое существование. Этот памятник был для меня своего рода носителем энергии.

Я не пожалел, что проехался на метро. Путешествие избавило меня хоть на немного от ненужных мыслей, которые докучали мне, как надоедливые родственники или незнакомые люди, просящие в долг.

Я прислонился к дверям поезда. Мой взгляд остановился на паре полных ног. На ногах были надеты молочного цвета туфли на высоких каблуках. Сверху на туфлях были нацеплены розочки, похожие на сухоцвет. Мой взгляд продолжал бродить, поднимаясь выше, прошелся по шикарному бюсту, затем по бледному подбородку и остановился на усталых миндалевидных глазах. У женщин есть много причин проводить бессонные ночи. Но мне показалось, что эта женщина не выпалась вовсе не от удовольствия. Тут какая-то другая причина.

Может быть, ее, как и Севиндж, разлучили с мужем.... Женщина подняла тяжелые веки и посмотрела на меня. В одиночестве я научился читать по лицам.

- Что так смотришь? - спрашивает.
- Просто, - говорю.
- У тебя взгляд одинокого человека, - она улыбнулась.

Я все понял, и теперь у нас вместе закрывались глаза.

- Люди, живущие своей собственной жизнью, как правило, остаются одни,- сказала она, снова подняв свои коралловые веки. - Если не хочешь быть как все....

Поезд остановился на очередной станции. Взяв в руки футляр от скрипки, дама слилась с выходящей из вагона толпой...

Солнце еще не зашло, как кокетка, оно заигрывало со мной, хотя уже поспешало на свидание с темнотой.

При выходе из метрополитена меня встретили перекупщики валюты, ищущие клиентов для мобильных телефонов, и просто прохожие. Люди с хитрющими глазами напоминали мне деревенских ребяташек, окруживших свадебный кортеж, чтобы содрать с жениха побольше денег. Как всегда, здесь побиралась мать с ребенком в инвалидной коляске. Мать укрывала ребенка, съездившегося от холода, старым полосатым одеялом. Мне было жаль это дитя. Я вспомнил свое детство.

Как пас скотину и безумно скучал по теплу. При этом у меня тут же мерзли ноги и нос становился мокрым. Хотел было дать денег, но мне лень не позволила сунуть руку в карман. Может быть, я просто слишком далеко ушел в свои воспоминания.

Я представлял эту девчущку закатывающейся от смеха, играющей в большом и красивом дворе под теплыми лучами солнца. Но мои гроши не могли ей в этом помочь.

Я вспомнил нашего не родившегося ребенка. У Севиндж случился выкидыш на втором месяце. Мы не видели лицо малыша, но все время разговаривали с ним, баловали его, покупали платья....

Я вышел к морю. Влюбленная парочка кормила чаек, на мостике сидели рыболовы-любители с самодельными удочками. Худощавый загорелый парнишка теребил своей возлюбленной волосы, трогал ее носик. Некоторое время я наблюдал за ними, мне стало тоскливо, и я подошел к рыбакам.

Так замечательно ловить рыбу. В этом занятии есть что-то любовное. Я знал об этом из своих снов. Правда, не время сейчас о любви размышлять, впереди у меня серьезные испытания, может быть, они уже начались. И ничто не заставит меня забыть про человека на том конце телефонного провода. Про испытания меня предупреждали и раньше... До развода Севиндж видела сон, в котором предсказала мою судьбу. Но поутру она ничего не помнила. В памяти остались только чувства.

Мужчина предложил мне рыбу. Я не взял ее, но был очень благодарен рыбаку. Будь моя жена рядом, с удовольствием принес бы улов домой, даже угостил бы своих экс-родственников, тем самым доказав, что я не такой уж равнодушный и никчемный человек. Но Севиндж со мной не было. Злодеи выхватили ее прямо из моих рук.

Вам может показаться, что я все время плачусь из-за своей беспомощности, но клянусь Аллахом, это не так, просто я сентиментален. Как правило, люди, подобные мне, легко делятся своим горем с другими.

6. "Москва", "Ял - Оба" и дух моей маленькой сестры

Я вернулся домой затемно. Когда проходил мимо железнодорожного вокзала, услышал песню "Москва". Наверное, эта песня была своего рода гимном для провожающих. Я был готов расплакаться. Вспомнил старые советские фильмы, когда под марш солдат провожали на войну. Не знаю, почему меня это так задело. Может, ностальгия по детству или мое нынешнее состояние были повинны в этом. Провожающие женщины плакали, а мужчины подшучивали над ними. Поэтому слабый пол пытался скрыть свои слезы. В этой неразберихе веселее всего выглядели носильщики. Рабочие были уверены, что и с убывающих, и с прибывающих они смогут содрать побольше денег.

Я еще немного постоял на просторной вокзальной площади, послушал песенку и смешавшийся с ней стук отдаляющегося последнего вагона московского состава. Сейчас я вспомнил, как студентом возвращался в село и, как всегда, в последнем общем вагоне. Так я сокращал путь от станции домой. Дальше мне вспомнились рельсы, по которым я шел к дому, берег реки Араз, футбольная площадка, сады, которые так хотела увидеть Севиндж, две железные трубы, заменяющие мост над рекой... Эти трубы пролегали до Ял-Обы. Там был колхозный виноградник. Ял-Оба представляла собой достаточно дикое проявление природы. Раньше мы играли там до позднего вечера, пасли овец и привыкли любить свою пыльную и колючую родину. Потом там разбили виноградник, но в период независимости он стал никому не нужен и от бесхозности пропал. И трубы в Ял-Обу тоже пришли в негодность, даже раньше времени, так что сельчане продали их за бесценок соплеменникам из Ирана, кроме, конечно, двух абсолютно незаменимых

железяк над рекой. Интересно, прошло столько времени, а я помню каждый кустик этой местности. И сны мои о деревне, которая была "подарена" армянам, начинались именно с Ял-Обы.

Я даже почувствовал деревенский запах. Слова Куприна зазвучали во мне с особой остротой: "Даже цветы на родине пахнут иначе".

Я еще долго бесцельно бродил по вокзалу. Деревня не выходила у меня из головы. У меня перед глазами проплывали горы, сады, рыбки в реке. В такие моменты моя любовь к Севиндж превращалась в мираж. Странно, но со мной такое происходило довольно часто. Откуда ни возьмись всплывает подсознание и застает тебя, как неожиданно начавшийся сильный дождь. И никуда от него не спрячешься, да и особо не хочется.

"Время не стареет. Оно ветшает или обновляется через чувства". И это мое очередное открытие.

После вокзала я спустился в метро и вышел на станции "Гянджлик", по дороге купил вино под названием "Шелковый путь" и пошел домой. Я долго стоял и молчал в прихожей. Только потом, вынув из холодильника вчерашнюю колбасу, осторожно стал ее нарезать. Я не успел приступить к трапезе, как зазвонил телефон. На этот раз я механически схватил телефонную трубку, но звука не было. Хотел было положить обратно, как услышал звонкий женский смех.

- Ну что растерялся, не узнал, что ли?

Это была та самая женщина. Та, с таинственным смехом, что выводила меня из себя, заставляя каждую мышцу моего тела напрягаться, как резиновый жгут.

- Не вешай трубку, послушай минуточку меня, ну а потом, как знаешь, дело твое. Я только что из душа. - Она снова залилась смехом. - Знаешь, во что я одета? Ну представь! Представил?! Прозрачные трусики и ...Ноги...ах...ах...ах...

Голос проходил через все мое тело и выходил через пятки. Который раз эта женщина мне звонит и утверждает, что мы с ней знакомы. Я все перебрал в уме, знать я ее не мог. И каждый раз после ее звонка я не мог заснуть до утра, а потом... Поэтому со злостью швырнул трубку туда, где ей было место.

Чтобы притупить нарастающее возбуждение, я выпил бокал вина. Затем стал есть и включил телевизор, как неотъемлемую часть моей ежедневной трапезы. По «Спейсу» передавали ток-шоу. Очкастый

политический лидер говорил о недемократичности и реакционности Избирательного кодекса. Круглый коротышка из правительственной партии толкал пламенную речь о широкой душе президента и о его бессмертии. Аудитория аплодировала и тем, и другим. Для них особого значения все это не имело, главное, чтобы брани было побольше. Людям шоу нужно было.

Остальные каналы транслировали приблизительно то же самое. По ОРТ шел фильм со Стивеном Сигалом в главной роли, который я смотрел десять раз как минимум. Мои глаза стали закрываться после того момента, как красивая девушка пританцовывая выплыла из коробки из-под торта. Сон одолевал меня, и я прямо в вещах рухнул на кровать и еще раз дотронулся до кнопки телевизионного пульта, похожего на мягкий женский сосок. Я проспал до утра. Видел один только сон. Я находился в незнакомом городе. Но наш деревенский домик почему-то был в этом городе, и я страшно радовался этому. Соответственно речка рядом с домом протекала, а я сидел на берегу реки и целовался с красивой женщиной и трогал ее грудь. Это была она, что мне звонила. Покрывая меня поцелуями, она жаловалась на то, что я ее до сих пор не нашел, а потом стонала. Я не помню ее лица. Оно было как в тумане, иногда я мог различать только очертания, но они тут же пропадали. Мне так хотелось узнать ее лицо. Но я не мог. Как будто я смотрел в объектив фотокамеры и никак не мог наладить фокус...

7. Возраст в 34 ножевых ранения

Я встал достаточно поздно, на часы не смотрел, но чувствовал, что стрелки находятся между 11 и 12. Черпнул воды и вылил ее себе на голову, потому как проснуться после выпитой бутылки вина было трудно.

Я вытерся, потом поставил чайник на электрическую плиту, подошел к окну и посмотрел на выстроившиеся в ряд деревья у дороги. Изредка сновали машины. В это время суток движение на улицах немного утихает. Взял в руки пульт, но телевизор включать не стал, потому как не был уверен, что увижу там что-то новое. Можно сегодня и в редакцию наведаться. На завтра у меня интервью с женщиной-экстрасенсом намечено, надо подготовиться. Я никак не мог сосредоточиться. Мысли мои напоминали разбившуюся на маленькие

кусочки вазу, их надо было как-то собрать и склеить. Некоторое время звонил телефон. Я не ждал звонка. Это либо человек-телефон, или женщина-телефон, не знаю даже, что хуже. С ними я говорить не хотел. Телефон еще некоторое время дребезжал и затих, но позже затрещал с новой силой.

Я выдернул телефонный шнур из штекера. Я кое-как отправил завтрак в свой смердящий и неугомонный желудок. Лег на кровать и с мыслями о вчерашнем звонке погрузился в сон. Правда, сном его вряд ли можно назвать. Ну что-то между сном и реальностью, это точно. Я спасался от диких людей, при этом летал. В небе я совершал пируэты, затем, рисуясь, приземлялся на лед и скользил так же красиво, как и летал. Где-то слышались стук копыт, барабанная дробь, и, несмотря на то, что я летел и скользил, звуки отдавались у меня в голове. На самом деле я стоял на месте и не продвинулся ни на шаг.

Чтобы спастись от дикарей, я открыл глаза. Я находился у себя в комнате, тикали часы. После недолгой паузы в дверь постучали, стучавший оказался очень нетерпеливым и непрерывно колотил по двери ключом. Сделав невероятное усилие, я встал и отворил дверь. Передо мной стоял мой старый коллега Мурвет.

- Ну ты и соня! Звоню тебе с самого утра, полчаса, как в дверь стучу. Сторож внизу сказал, что не видел, как ты выходил из здания, стало быть, ты у себя в комнате. Я грешным делом подумал, может, ты умер, - сказал Мурвет и улыбнулся.

Я вернулся на кровать, а он последовал за мной и уселся с краю от стола. Я лежал и смотрел в потолок. Я искал связь между событиями во сне и визитом моего коллеги, но не находил.

После недолгой паузы Мурвет сказал: «Рена умерла».

- Кто?

- Рена, вернее убили ее.

- Кто убил?

- Ее брат.

- За что?

- Длинная история. Может, по дороге поговорим, если хочешь пойти, конечно. Это близко. Возле метро "Баксовет".

Мурвет был прав, я знал, где она жила.

- Просто пойдем, все-таки вместе работали.

«Не только вместе работали, мы еще и любили ее», - подумал я. Мурвет прочитал мои мысли.

Я переоделся, и мы спустились на улицу. Под лестницей кошка игралась со своими котятами. Я позавидовал им и очень пожалел Рену.

Мурвет между делом рассказал, что брат убил ее из-за ревности и нанес Рене 34 ножевых ранения. Ровно столько, сколько ей было отроду.

Во дворе у дома Рены поставили палатку. На поминках было немного людей. Было тихо, даже в ее квартире. Наверное, и оплакивать ее было некому. Она была сиротой. А брат вчера сам сдался полиции.

Я был у Рены лишь однажды. Помню заплесневелый запах в комнате, вонючие носки брата и расческу у трюмо, на которой были волосы, недавно жившие на голове у своей хозяйки. После этого ноги моей там не было.

Пахло трупом. В палатке были какие-то люди, скорее всего соседи. Мулла что-то бормотал. Мне кажется, их никто не слушает. Каждый мулла каким-то своим кодом с Аллахом разговаривает.

Чай оказался совсем не вкусным, больше был похож на подкрашенную воду. Траур вообще никто не любит. Ну разве что могильщики... Лично я на похоронах чувствую себя виноватым. Вот и сейчас меня не покидала мысль, что именно я являюсь причиной гибели Рены. От этих мыслей мне стало не по себе, ком подкатил к горлу. При первом же удобном случае я выскочил из палатки и пошел прочь.

В тот же день я позвонил своему школьному товарищу—следователю Рашиду и попросил его, чтобы мне разрешили присутствовать при допросе брата Рены. Он отказал мне, потому как дело вел другой человек. Я кое-как его уломал и уже утром сидел в помещении, где все это происходило.

Я видел его однажды, лет десять тому назад. Наверное, он меня не помнил, и я растерялся, когда вдруг увидел убийцу. Он сильно изменился, больше походил на первобытного человека. Совершенно обросший, при этом у него дергался левый глаз, и он нервно теребил пальцы.

Следователь перебрал какие-то бумаги на столе и начал процесс допроса.

- Имя, фамилия?
- Мамедов Али Рамазан оглу.
- Место рождения?
- Город Баку (и назвал свой адрес).
- Кем приходится вам Рена?
- Она моя сестра.
- Почему вы убили ее?
- Она изменила мне.
- В каком смысле?
- Во всяких смыслах.
- У вас была интимная связь?
- Да вы что, я не до такой степени извращенец, чтобы собственную

сестру...- сказал Али и засунул руки в карманы. Этот жест заставил следователя побледнеть, он хотел схватить руки допрашиваемого, но Али был проворнее, вытащив руки из кармана, он заорал: - Вчера все из кармана вытащили, даже сигареты, сволочи.

Следователь успокоился и положил на стол пачку сигарет.

- Это мои.

Он быстро вытащил сигарету из пачки, прикурил у следователя и с жадностью затянулся. У него тряслись губы и руки.

- Почему вы убили сестру?
- Я уже говорил, она мне изменяла.
- Может, с самого начала расскажешь?
- А что рассказывать-то, убил и все.
- Помнишь хоть, сколько ножевых ранений ты ей нанес?
- Нет.
- 34. Вы ударили ее ножом 34 раза, - официальным тоном заявил

следователь.

- Правильно и сделал. А зачем она смеялась? Я бил ее, а она смеялась и говорила: «Я всегда тебе изменяла. А ты даже не догадывался», - выговорил Али и снова затянулся сигаретой.

- Причина?

- Говорю же, она смеялась, каждый день смеялась. Она возвращалась с работы, сразу же звонила кому-то, говорила какую-то чушь, потом смеялась.

- А что она говорила?
- Я не могу сказать.

Следователь постепенно терял терпение.

- Ты знаешь, что делают с такими, как ты, в камере? Ты знаешь, что уже они о тебе думают, если и мы это подтвердим, знаешь, что конкретно сделают с тобой?

Али утвердительно кивнул головой.

- Тогда говори.

- Это длинная история.

- А ты покороче расскажи, - сказал следователь, закурил и вальяжно откинулся на стуле.

Али начал свою историю:

- Мои родители задохнулись от угарного газа. Так, во всяком случае, соседи говорят. Утром встал, пошел умыться и застал их обоих лежащими в ванне, но я ничего не понял. Мы были маленькими и, обнявшись, кричали.

Он немного задумался, потом продолжил:

- Я очень любил Рену. (Он прослезился). Мы даже спали вместе. Сначала за нами бабушка присматривала. После ее смерти мы остались совершенно одни, и я с малолетства стал воровать. Первый раз я попался, когда спер у завмага Гюльаги магнитофон. Тогда меня на 3 года упекли в детскую колонию. Вышел, поклялся, что никогда больше не буду воровать, и устроился на Наримановский хлебозавод. Тогда мне было лет 13-14. Я проработал там ровно 7 лет, Рена тем временем закончила школу и пошла в машинистки. Все началось с того момента, когда она устроилась в редакцию. Я был против этой работы. Возвращалась она поздно, и каждый день мне приходилось часами простаивать возле здания редакции. Позже Рена уволилась. Но это был другой человек, она очень изменилась. Однажды Рена мне сообщила, что в нее влюблен какой-то парень с работы, но потом тут же стала отрицать все и сказала, что просто хотела меня позлить. Именно тогда она стала постоянно посмеиваться.

- Это же естественно, девушка должна выйти замуж, - сказал следователь.

- Нет! Не должна! - закричал Али. - Мы дали друг другу слово, что всегда будем вместе, ни я не женюсь, ни она не выйдет замуж. Но она не сдержала обещания.

- Вы же могли создать собственную семью, - сказал следователь, выпустив очередную порцию дыма.

- Я не мог. Потому что.... - Али замолчал и устремился взгляд в дальний угол комнаты.

- Вы что, не могли жениться? - удивился следователь.

Али замотал головой.

- Но почему?

- Потому что... - Али сделал паузу, затем продолжил: - Когда мы поклялись, что будем вместе, я перестал обращать внимание на женщин, я просто убил свое желание... - Он помолчал немного, потом закурил и стал орать, как сумасшедший: - Думаете, это так легко! Может, я вовсе не мужик, может, мужики только вы!!! (он указал на нас)... Я пожертвовал даже этим ради нее.... Мои друзья издевались надо мной, подраживали меня, а некоторые думали, что я...

Теперь Али грыз фильтр.

Комната была в тумане. Мне казалось, что Рена смотрит откуда-то на меня и хочет, чтобы я убил ее брата, и кровь Али залила бы всю комнату. Во всяком случае, я был единственным человеком, кто бы мог отомстить за нее. Но я не был зол на Али....

- Когда я убивал ее, от нее пахло рыбой, - неожиданно произнес Али.

- Рыбой?! - удивился следователь.

- Рыбой, да. Рена была похожа на рыбу. Ее невозможно было поймать. Я видел, как она меняется, и страшно не хотел этого.

Али продолжал говорить, его лицо расплывалось и постепенно исчезало в моих глазах, его рассказ казался мне сном, и, чтобы избавиться от этого состояния, я тихонько встал и вышел в коридор.

Я очень быстро очутился у дверей своей общаги. Под лестницей маленькая девочка играла с котятками. Я немного понаблюдал за ней, чтобы забыться. Ребенок словно почувствовал это.

- Хочешь котенка? Смотри, какой красивый!

- Ага, - согласился я и сказал: - Ступай домой, здесь холодно. Я попробовал поднять девочку, но она сопротивлялась.

- Нет, я не хочу домой!

Сверху послышался женский голос. Услышав его, девочка вся съежилась, словно ей вдруг стало холодно, побледнела, быстро вскочила и схватила меня за руку своими маленькими пальчиками. Потом взяла одного котенка, и мы вместе поднялись по лестнице.

В коридоре третьего этажа стояла женщина с тонкой палкой в руке, завидев ребенка, она закричала:

- И что тебя Бог не заберет, опять кошку притащила, - сказала женщина, запихнула ребенка в комнату, отняла у нее котенка и швырнула его в коридор. Котенок ударился о стену, издал душераздирающий визг, быстренько встал на ноги и, мяукая, пошел обратно к лестнице. По коридору разносился плач маленькой девочки, который отдавался эхом в моей голове даже после того, как я вошел в свою комнату.

Некоторое время я просидел на кровати неподвижно, меня обуревали странные чувства, которым я пытался найти названия. Но ничего не получалось, все крутилось в какой-то нескончаемой пустоте. В этой пустоте плавало похожее на рыбу тело Рены, оно кувыркалось и смеялось. Потом Рена, звонко смеясь, говорила с кем-то по телефону. Потом словно из тумана появился я и кинулся на нее с ножом, она же целовала меня и шептала: "Ну, убей меня, убей, милый, я давно этого жду!"

Впервые я увидел Рену 10 лет тому назад и сразу же влюбился. Она только закончила институт и поступила на работу в редакцию. Она предстала передо мной во всей красе, как роза с картины Сальвадора Дали. Она была полна страсти. Она очаровывала всех, стоило ей только улыбнуться. Она сидела на диване, и я увидел ее белые округлые колени. Я не был одинок. Все были влюблены в Рену, но никто не мог овладеть ее сердцем. Я украд ее сердце, правда, наполовину.

Я писал ей письма. Только сейчас я понял истинную причину ее увольнения. Я вспомнил, что в тот злосчастный день звонил ей, она плакала и говорила, как ненавидит своего брата. А мне просто не хватило смелости постучать в дверь ее квартиры именно в тот день.

Я поднялся и достал из дипломата мои письма, адресованные Рене, она вернула их мне все до последнего. Сейчас письма пахли мертвечиной. Когда-то источали они аромат Рены, который с жадностью впитала бумага. Значит, после моего звонка брат Рены перерезал ее тоненькое, как у джейрана, горло? Я чувствовал ее шею руками, представлял, как по венам ее течет кровь. "У меня розовая кровь", - говорила она.

Я принялся одно за другим читать письма. Строки, переполненные словами любви, казались мне чужими, примитивными. Они напоминали мне неискренние признания, сделанные спяна.

«Когда ты почувствуешь какую-то перемену внутри себя, услышишь душевную музыку, а сердце вдруг замрет от непонятных ощущений, какая-то невидимая рука направит тебя из пустоты в настоящую жизнь, не пугайся - к тебе стучится любовь. Не бойся, иди навстречу. Любовь ускользнет, если ты опоздаешь...». «...Болит голова? У меня тоже. Это твоя энергия не дает тебе покоя, она убьет тебя...». «... Я поцелую тебя, ты станешь еще красивее и засверкаешь, как бутон розы в крапинках росы».

Все письма были приблизительно подобного содержания, с оттенком грусти безответной любви. Сейчас от тех чувств не осталось и следа. Волнительные чувства десятилетней давности сменились лишь горечью.

Мысли пожелтели вместе со страничками писем. Я пренебрежительно смял их и вновь положил в дипломат. Одного из девяти писем с подписью "SOS" не было. Видимо, Рена не вернула его. Именно после восьмого по счету письма она пригласила меня к себе. Встав перед зеркалом в коридоре полутемной квартиры, она долго смотрела на свое отражение и спросила:

- Я красивая, правда?

Я утвердительно кивнул головой.

- Обними меня, - попросила она.

Я был крайне возбужден. Сердце выпрыгивало из тела, как рыбки из мутной воды, и чуть не свалилось с третьего этажа Ренкиной квартиры. Желаемый объект стоял в шаге от меня. Ее жаркое дыхание, трепещущая грудь тянули меня, как магнит. Я прижал ее к себе. Тело мое сотрясалось от желания. И вдруг Рена начала смеяться, потом смех перешел в гогот. Она не могла остановиться. Я был полностью растерян. Она менялась прямо у меня на глазах. Я любил не эту женщину. Моя женщина не могла быть такой циничной, она не могла так мерзко смеяться. Я не помню, как вышел из квартиры. Я перепрыгивал через несколько ступенек, как сумасшедший, и вскоре очутился на улице. До меня все еще доносился ее смех. Мне даже показалось, что Рена вышла на балкон и смеется мне вслед, показывает меня соседям и смеется, смеется. Больше я ее не видел....

Лежа на кровати, я включил телевизор. Шел фильм "Зорро". Кетрин Зета Джонс была похожа на Рену. Она сидела в одиночестве в белом кружевном белье. Длинные черные волосы ниспадали на плечи и прикрывали грудь. С мечом в руке я подошел к ней. Рена возбужденно дышала, соски окрепли и торчали из-под белья, рот был приоткрыт. Все происходило в каком-то отделе нашей редакции. Значит, у меня в руке должна была быть ручка, а не меч. Странно. Мы разговаривали на совершенно незнакомом языке, но при этом понимали друг друга. Я поцеловал ее прекрасные губы и, потом, выпрыгнув в окно, долго парил в воздухе. Я чувствовал себя легко, был, как перышко. Там, внизу, была кровавая лужа, и я стал засыпать с привкусом крови во рту.

8. "Мыльное кладбище", колодец и рыбы глаза

Мне приснился поезд. Он переехал красивую женщину, разделив ее тело надвое....

Как только я проснулся, тут же умылся, достал бритвенный набор, который ласково называл "мыльным кладбищем", и сбрил многодневную щетину. Так я подготовился к встрече с экстрасенсом, о которой накануне было обговорено. Всю дорогу я вспоминал свои странные сны...

Мы встретились возле станции метро. Экстрасенс послала за мною своего представителя. Он был маленького роста и прихрамывал. Походя сообщил, что был ранен на войне. Почему-то я ему не поверил. Вообще я не верил людям, которые сразу же начинают рассказывать о себе, тем более, если их об этом никто не просит. Этот тип людей хорошо Думбадзе описывает, когда они надевают на лицо страдальческую маску, чтобы все их жалели.

На втором этаже пятиэтажки страшно воняло.

- Это бабулька одна, кошек держит, поэтому здесь так воняет, - объяснил хромой и постучал в старую деревянную дверь. Дверь издала звук избитого барабана.

Я не понял, кто открыл нам дверь, поскольку в коридоре было темно. Пахло плесенью, так, как будто здесь сто лет не прибирали. Из окна падал свет. Я увидел сидящую на паласе женщину, лет пятидесяти. Палас был с узорами, напоминающими козерогов. Мне показалось, что

она сидела с закрытыми глазами или даже спала. Я не успел додумать свою мысль, как услышал ее голос, исходящий из глубины колодца.

- Заходи, садись поближе, не обращай внимания на обстановку.

Пресловутым экстрасенсом оказалась вот эта самая женщина. Я уселся на маленькую расшитую подушечку, прямо напротив нее. Женщина открыла глаза и, немного прищулив левый глаз, пристально посмотрела на меня. Потом выпустила мне в лицо струю сигаретного дыма, так что я отвел глаза.

- Смотри мне в глаза, - сказала она. - Прямо в глаза. - Я собрался и сделал, как она просила. Ее зрачки были похожи на шары, а я отражался в них каким-то мистическим животным.

- Я должен взять у вас интервью, - наконец вымолвил я.

- Да, с чего начнем? - спросила женщина. Она приподняла свои сросшиеся брови, поправила руками платок и посмотрела мне в глаза.

- Прямо с меня и начнем, - предложил я.

- Многие так говорят. Сначала не верят, потом просто спасения от них нет, - сказала женщина-экстрасенс совершенно неестественным голосом. - Закрой глаза. Иногда человек должен побыть у себя внутри. Это необходимо для того, чтобы он понял себя и чего хочет от жизни. Человек изнури, как железный колодец, конца и края которому не видно, поэтому не хочется возвращаться обратно...

- Я никогда не думал об этом, - сказал я.

- Каждый человек время от времени должен проникать внутрь себя, оттуда, изнутри, и должен посмотреть на свое прошлое и настоящее.

- Как йоги, что ли?

Мой вопрос остался без ответа. Кажется, она меня не слушала.

- Это путь. Путь познания себя. Может быть, даже не познания, а переоценки.

После этих слов женщина выдержала паузу, которая показалась вечностью, потом спросила:

- Ну что, начнем?

- Начнем, - сказал я и закрыл глаза.

Странно, с закрытыми глазами я не мог представить себе ничего, кроме шарообразных зрачков женщины и полутемной квартиры, что-то в ней ассоциировалось со взлетной полосой.

Прошло какое-то время, пока она не спросила: - Что ты видишь?

- Ничего. Ничего не вижу, - ответил я.

- Так не бывает. Ты должен что-то видеть. Не думай ни о чем.

Я снова закрыл глаза. Но на этот раз ничего не смог представить. Она напевала какую-то мелодию. Может быть, это был гипноз. Мне даже показалось, что я когда-то слышал подобные молитвы. Но времени не помнил. Это скорее было похоже на песнопения дервишей. Я слушал и постепенно отдалялся от своего теперешнего местоположения. Самолет поднялся в небо со слабо освещенной взлетной полосы. Он спешил ввысь, как будто хотел поскорее перерезать облака. Я почувствовал себя в невесомости и полетел вместе с самолетом. Долетев до седьмого неба, я стал медленно опускаться вниз.

Я очутился во дворе нашего старого дома. Сидя на корточках у кирпичной стены сарая, я копался в песочке. Солнце иногда лениво выглядывало из-за облаков, затем пряталось. Потом, словно заигрывая, вонзало свои лучи в реку. Отец мой вбивал колышки в забор. Мать с ведром в руке шла со стороны реки. Завидев ее, я быстро подбежал к ней. Преградив ей путь, я потянулся к ее соску. А она прямо у хлева, положив ведро на землю, обнажила свою грудь. Я с жадностью взял ее пахнущий молоком сосок в рот, но вкуса никакого не почувствовал. Молока у нее не было. Отец взглянул на мать и улыбнулся. Она ответила ему точно такой же улыбкой.

Потом я подошел к берегу реки. Хотя вода в реке была мутная, я отчетливо видел рыбок. Рыбки плескались и переворачивались, а их животы блестели на солнце. Я бросил камень в стайку, одна рыбка перевернулась брюшком вверх и в таком положении стала плыть. Чтобы достать ее, я вынул из забора пруттик, но мои старания были тщетны. Я посмотрел вслед уплывающей мертвой рыбе. Почему-то мне стало жаль ее. Еще совсем недавно она рьяно сновала туда-сюда в стае, а теперь ее, как случайно упавший в воду камыш, просто покачивала река.

Чуть в сторонке мой брат удил рыбу. Закир подошел к нему. А я схватил оставленную Закиром удочку, насадил на крючок мякиш и снова опустил в воду. То ли от нечего делать, то ли из-за любопытства стал вытягивать крючок, тут снова увидел большую рыбу, качающуюся на поверхности воды брюхом вверх, от испуга побежал к дому, потащив за собой удочку. Рыба шла за мной, я громко кричал. Тут мать подроспела ко мне и отняла у меня удочку. Я дрожал от страха. Рыба лихорадочно

билась о землю. Отец был страшно рад моей первой добыче. А я еще ничего не понимал.

- Какая красивая рыбка!- восклицала мать.

Я же не переставал орать. Увидев мой испуг, мать сняла с крючка рыбу и швырнула ее обратно в реку. Несколько секунд она неподвижно неслась по реке, потом вдруг зашевелилась, от счастья подпрыгнула и, играя плавниками, исчезла глубоко под водой.

- Рыбка принесет тебе мяч,- чтобы окончательно успокоить меня, сказала мать.

Долгие годы я жил ожиданием. Мне казалось, что та рыбка меня помнила, и она непременно однажды появится, подталкивая плавником разноцветный мячик.

Я стоял на берегу реки и вспоминал падающие в нее белые лучи, теперь река заметно измельчала. Я вырос и уже ходил в школу. Она приплыла, рыбка, которую я так ждал. Притаившись на дне, она ожидала меня, ее скользкое тело блестело на солнце. Я потянулся, чтобы погладить ее спинку, но тут рыбка дернулась, ударила о воду хвостом с раздвоенным концом и исчезла из виду.

Через два дня жители нашей деревни во главе с моим дядей хотели поймать эту рыбу. Чем только они ее ни ловили. Рыбка не сдавалась. Наконец, дошли до водопада. Наши стали бить ее лопатками. Всю израненную рыбу приволокли во двор моего дяди. Глаза были совсем живые, я увидел в них свое отражение и заплакал. Я никак не мог сдержаться, слезы душили меня.

Все вокруг были заняты рыбой. Люди поражались ее размерам, мой дядя положил рыбу на колхозные весы и взвесил. Я побежал что было силы обратно к реке и стал реветь еще больше. Вытирал слезы грязными руками и размазал грязь по всему лицу. Река, никак не разделяя мое несчастье, продолжала спокойно течь. Она пожертвовала очередным шаловливым ребенком.

Сейчас я снова сижу на берегу и ловлю рыбу. Моя рыбка снова появляется посередине реки. Я пытаюсь вытянуть удочку, по мере того, как я ее тяну, леска удлиняется, река увеличивается и превращается в море, рыба постепенно поднимается из воды и уходит в небо. Теперь я тяну небо на землю. Но леска обрывается... Все вдруг исчезает, и я проваливаюсь в темноту. Остаются только чувства...

Некоторое время я находился в трансе. Не было сил открыть глаза. Может быть, я тянул время. Я так боялся расставаться с воспоминаниями...

Наконец, я открыл глаза. Экстрасенс куда-то исчезла. Комната по-прежнему напоминала взлетную полосу. Пахло рыбой. Казалось, что в комнате еще кто-то есть. Я поднялся, немного постоял в темноте, потом сама по себе открылась дверь, так, как будто кто-то выскочил, но внезапно проникший свет ослепил меня, и я никого не увидел.

Под вечер, я покинул эту квартиру. По дороге домой я влился в какую-то демонстрацию, требования, лозунги которой мне были не особенно близки. Многие в толпе мне казались знакомыми. Сегодня я попал в общий поток и не испытал при этом никакого дискомфорта. В данный момент было не до размышлений. Я сознательно отпустил свои желания, и они привели меня на площадь. Я поднялся на трибуну, где стояли политические лидеры. Толпа разрасталась. Все вокруг напоминало времена инквизиции. Каждый новый лозунг сопровождался воплями, рукоплесканиями. Толпа радовалась, даже не понимая, чему. С трибуны выступал один из лидеров. Говорил про оккупированные территории, про смерть, выборы. Странно, это был Мехбалы – брат Севиндж, но по логике его здесь не должно было быть, потому как отец Мехбалы состоял на государственной службе. И пламенные речи о справедливости такого человека, как мой экс-деверь, вызывали, по меньшей мере, недоумение. Я спросил у стоящего рядом политика: не тот ли это человек. Политик утвердительно кивнул головой.

- А как же его отец? – спросил я.

- Отца уволили, – ответил политик и почему-то засмеялся.

- А кто уволил-то? – продолжал я.

- О!- издал политик и снова рассмеялся, потом с пафосом добавил: - Хорошо говорит! Надо же! Вот дает...

Люди бурно аплодировали Мехбалы. Трибун был в экстазе, расходился еще больше, что-то кричал. Сверху люди казались жалкими. Наверное, по этой причине с трибуны легко говорить. Лгать несчастным, бедным людям, глядя прямо им в глаза, доставляет особенное удовольствие. И, если мне предоставили бы слово, я, скорее всего, избрал бы роль спасителя.

Когда я спустился с трибуны и смешался с толпой, почувствовал свою немощность и, чтобы окончательно не превратиться в одного из них, отдалился от митингующих и пошел в издательство.

Мне сообщили, что меня ищет редактор. Но я не придавал этому значения. Сел у себя в кабинете и попытался написать о встрече с экстрасенсом. Но ничего не выходило. Слишком мало было информации. О том, что я видел, написать не мог, потому что, кроме гнева главного редактора, мои откровения ничего бы не вызвали. Вошла секретарша редактора и сказала, что шеф зовет меня к себе. Сейчас его называют главным писателем.

Когда я вошел, Главный писатель говорил по телефону и почесывал худую шею. Я был вынужден оставаться стоять и наблюдать за серьезной физиономией своего начальника. Положив трубку, он спросил:

- Репортаж готов?

Я отрицательно покачал головой.

- Гм, так... Ну, ты думаешь что-нибудь написать или нет? – выдавил редактор.

Я немного подумал о том, что я это такое могу написать, но в голову ничего не приходило. Потом непроизвольно сказал:

- Про рыбу, про рыбу написать хочу.

Глаза шефа налились кровью, и я понял, что сморозил глупость. Видимо, заметив мое смущение, редактор ничего не сказал, просто посмотрел в окно, а я молча вышел из комнаты.

Полутемный коридор общаги заставил меня вспомнить о снах, в которых были сплошные лабиринты. Я снова слышал какой-то звук и ощущал на затылке чужое дыхание.

Как только я вошел, зазвонил телефон.

По паузе на том конце провода я сразу узнал звонившего.

- Ну, как? - без всякого приветствия начал человек-телефон.

Я молчал.

- Не плохо говорил, а? Наш кадр.

- Так, его отца сняли? За что?

- Так надо. Иначе нам никто не поверил бы.

Чуть помолчав, голос продолжил: «Завтра у дверей вашего дома вас будет ждать машина», он повесил трубку. Несколько секунд я послушал

отбойные гудки телефона, потом лег спать. Заснуть никак не мог, поэтому я взял с полки журнал "ELLE", полистал его и не заметил, как провалился в сон.

Во сне я крутился в спиралевидной башне, в которой не было ни входа ни выхода.

9. Сигареты "Муратти", вилла с 46-ю садовниками и человек-телефон

Протяжной сигнал автомобиля заставил меня выглянуть в окно. Было прекрасное майское утро, ветер с Каспия щекотал мне нос и трепал волосы, с моря доносились крики чаек, и я вспомнил свой сон. Внизу стоял черный «Мерс». Громила с квадратными плечами протирал лобовое стекло и между делом давил на сигнал. Почему-то спускаться мне совсем не хотелось.

Видимо, терпению шофера пришел конец, потому как руку с сигнала он уже не убирал. На важную встречу, как правило, одеваются подобающе. Я это знал. Поэтому подошел к стенному шкафу и приоткрыл дверцу. Мой свадебный костюм, ворот которого совершенно стал серым от пыли, никуда не годился. Я надевал этот костюм лишь трижды. Когда женился и дважды к тестю в гости, разумеется, до того, как между нами пробежала кошка. И все. Костюм для меня является атрибутом удушения свободы. Как будто мое тело находится в тисках. Я даже обрадовался, что мой костюм был непригоден. Теперь моя совесть чиста. Есть веская причина тому, что на важную встречу я не явлюсь в черном костюме.

Я напялил свои потертые джинсы и рубашку-гавайку, влез в кроссовки и спустился вниз. Увидев меня, водитель сделал кислое лицо и, ничего не сказав, сел за баранку.

Я автоматически сказал "Доброе утро" и сел на заднее сиденье. Салон «Мерседеса» показался мне чрезмерно большим. Со стороны даже не скажешь. Хотел было именно с этой темы начать разговор с шофером, но не смог. Мой язык словно одеревенел. Хотя мои рассуждения о машине ему должны были понравиться. Я провел руками по блестящему, кожаному сиденью, и мои руки обрадовались так, как если бы гладили обнаженное женское тело. Правда, пахло сиденье не женщиной, просто кожей. Я решил промолчать, на данном этапе мои

ощущения могли быть обманчивы.

- Вам повезло, - водитель пялился на меня из зеркала, - шеф не каждого к себе приглашает.

Естественно, я молчал, переваривая сказанное. А он, не дожидаясь ответа, продолжал:

- Знаете, он в тяжелом состоянии, но об этом никому не говорят. Но я догадался. Во всяком случае, они между собой все время шепчутся. Я сразу понял - здесь что-то не так... А с вами тоже так случается?

- Как? - спросил я. Я понял, что подсознательно все-таки слушал его, хотя до этого момента, не обращая на него внимания, старательно считал светофоры. За три минуты мы проехали семь светофоров, странно, ни один из них не загорелся красным светом. Мне показались сомнительными откровения водителя. Обычно те, кто крутится возле сильных мира сего, заводят подобные разговоры с незнакомым человеком с единственной целью - выудить у него какую-то информацию.

- Что-то не так... - повторил водитель.

- Понял, что что-то не так!

Водитель остался доволен моей реакцией.

- Я все предчувствую. Это генетическая способность, - с гордостью сказал шофер. - У нас сильно развита интуиция, мы все вот этим самым сердцем чувствуем, - он постучал указательным пальцем себе в грудь.

Мне захотелось курить. Но я тут же вспомнил, что бросил это дело за неделю до женитьбы. Такое условие было. Мне пришлось изменить в себе все: привычки, манеру одеваться и даже говорить. Я жил уже не в деревне, а в столице большого государства, причем недавно обретшего независимость. Ну как тут не измениться...

- Сигаретки не найдется? - спросил я и, наклонившись вперед, посмотрел на водителя.

- Найдется, конечно, - на этот раз он подался назад, - на спинке переднего сиденья коробочку видите, вот там и сигареты есть, и зажигалка.

Я поднял крышку коробочки, там оказались сигареты "Muratti" с белым фильтром и серебряная зажигалка. Я уже видел такие сигареты, их курил следователь, когда допрашивал Али. На зажигалке была выгравирована рыба. Пачка оказалась не новой, видимо, кто-то до меня несколько штук выкурил.

- Наш шеф их любит, ему специально привозят, - сказал шофер.

После первой же затяжки голова закружилась. Стекла «Мерса» автоматически приспустились. Дым от сигарет мгновенно змейкой пополз сквозь эту щель, вслед за ним и я выбросил окурочок, и он одиноко догорал на обочине. Мне стало его жаль.

Не знаю, чем это объяснить, но в моей жизни были периоды, когда я жалел предметы. Предметы, которые вдруг исчезали или переставали мне нравиться, вызывали во мне жалость. Я одушевлял их, они напоминали мне одиноких людей, может быть, даже самого себя... С этим чувством я познакомился в пять лет. Мне в подарок из города привезли медвежонка. Я не расставался с ним. Спал вместе с ним. Маленькая, почти с кулачок, коричневая, пластмассовая игрушка казалась мне абсолютно живой. Я боялся, что мишка простудится, если вдруг с него сползет одеяло, поэтому ночью несколько раз просыпался и укрывал его потеплее.

Водитель не умолкал, изредка до меня доходили обрывки фраз.

- Шеф - хороший человек, простой. Никогда голоса не повысит, утром обязательно скажет "Доброе утро", вечером - "Спокойной ночи". В последнее время он из дома не выходит, вот почему я решил, что старик совсем плох. Как раз он-то без сигареты терпеть не мог.

Не знаю, зачем, я понимающе кивнул головой. Ведь я даже не видел человека, которого мой собеседник называл шефом. Некоторое время мы ехали молча. Я прислонился к стеклу и стал смотреть на улицу, мне вспомнилась выброшенная сигарета. Наверное, уже догорела. Совсем, как люди. Даже не подозревая, они сгорают дотла. Но, думаю, звонившие мне знали механизм использования человека в совершенстве.

На дворе стояла весенняя погода, светило солнышко, все это усугубляло мою ностальгию по прошлому, особенно по детству.

Водитель включил радио. По 107 FM шли новости. Сначала передали, что Алим Гасымову присудили премию ЮНЕСКО за вклад в музыкальное искусство. Девушка с такой неистовой радостью сообщила эту новость, как будто премию вручили ей. Голос резко изменился, когда она проинформировала население о завтрашнем митинге оппозиции. Водитель посмотрел на мое отражение в зеркальце над собой и спросил:

- Про митинги что думаешь?

Я пожал плечами. А он покачал головой. Разговор на этом был исчерпан.

Наконец, машина, свернув влево, проехала несколько метров, сделала змейку и остановилась возле громадных ворот розового цвета. С обеих сторон ворот были установлены камеры. Прошло примерно полминуты, ворота автоматически открылись, и машина очутилась внутри.

- Приехали, - сказал шофер, взял рацию, что-то в нее пробормотал и вышел из «Мерса». Я остался сидеть в машине, потому что совершенно не понимал, что мне делать. Я просто окаменел, когда увидел огромный и очень красивый двор. У меня потемнело в глазах, в голове все перепуталось. Где я? Почему я здесь? На миг я забыл обо всем.

Водитель толкнул меня в плечо, я, очнувшись, открыл дверцу и вышел из машины. Двор был настолько велик, что здесь можно было спокойно провести парад. Посередине красовался огромный фешенебельный дом. Справа и слева от дома возвышались башенки, напоминающие кремлевские. В саду были посажены деревья самых различных сортов. Мне показалось, что я нахожусь на вилле какого-то итальянского мафиози (представляете?). Возле дома стояли двое громил в черных костюмах и очках. К дому вели две дорожки, а между ними - зеленый газон.

Водитель, заметив мое удивление, сказал: «Это любимая вилла шефа, здесь работают 46 садовников». Из его слов я понял, что эта вилла – не единственная.

Дверь в доме открылась, вышел какой-то человек и сделал приглашающий жест. Холл в доме напоминал вестибюль пятизвездочного отеля. Чуть в сторонке блестели кожаные диван и кресла. Перед ними стоял низкий столик, а на нем - аквариум.

Человек, играющий с нами в молчанку, нажал кнопку входной двери лифта, через секунду она распахнулась, и мы очутились в светлой кабине. Здесь было сказочное освещение. Словно южный ветер гонял по пустыне солнце. Мне казалось, что этот шкаф уносил нас далеко, далеко... Вот скоро он прошибет крышу и устремится высоко в небо. Я очень часто видел этот самый лифт в своих снах. Видел даже, как это хитрое сооружение мчится по коридору, сворачивая то вправо, то влево... От волнения у меня вспотели ладони. Выйдя из лифта, мы некоторое время шли по коридору. Два здоровых лба сопровождали меня, один спереди, другой - сзади. Все молчали. Из-за коврового покрытия шагов также не было слышно. Здесь, видимо, давно не

проветривали. Воздух был мертвым. Стены были без окон. Помещение скорее напоминало погреб, нежели что-то в верхних этажах. Впереди идущий громила резко остановился. Я заметил это только тогда, когда ударился об него, задумался, наверное. Мы встали перед большими обитыми кожей дверьми. Такие двери в советское время были весьма популярны. Двери кабинетов главных редакторов, секретарш райкомов, важных государственных персон были непременно отделаны кремовой или черной кожей. Наш гид коснулся указательным пальцем своих губ, тем самым дав понять, чтобы мы молчали. А сам нырнул в кожаные двери.

Прошло несколько томительных минут. Мне показалось, что тот человек упал в глубокий колодец и вряд ли уже вернется. Тело онемело и уже не слушалось меня. Я стал прогуливаться по коридору, и со мной, точно сторожевой пес, носился оставшийся качок. Я разозлился еще больше.

Наконец, двери открылись, человек тем же указательным пальцем на этот раз пригласил нас войти, и мы вошли. Комната была довольно большая. На стенах висели картины с рыбами. Прямо напротив нас в кресле сидел мужчина лет 50-55. Он что-то медленно писал, именно поэтому мне показалось, что он находится в преклонном возрасте. Мужчина продолжал делать заметки даже после того, как мы вошли. Мы молчали так, как будто в доме была заложена бомба, механизм которой придет в действие, как только нарушится тишина. Наконец, хозяин кабинета отставил перо. Снял очки, надел другие и жестом руки пригласил меня сесть, а двум другим велел удалиться. Я уселся на самый близкий к выходу стул.

- Сядьте поближе, - сказал мужчина, одной рукой указав на ближайший от него стул, другой предельно убавив звук телевизора. Я переместился на указанное место. После чего человек пристально посмотрел на меня, потер глаза и протянул:

- Т-а-а-а - к....

10. Джыртан, Голубь мира и журналист-кашкалдак

У этого человека, ростом примерно 1 метр 60 см, было хитрое лицо. Подобного типа люди обычно умеют читать мысли. С ними нужно быть начеку. В начале разговора они, как правило, спрашивают про

самочувствие собеседника или про что-то в этом духе. Точно так все произошло и на этот раз. В результате его «рентгеновского» взгляда, не зная, что же мне делать, я принялся хрустеть костями пальцев. А мужчина тем временем взял со стола пачку "Муратти" и белыми, мягкими, как у женщины, пальцами, вытянув одну сигаретку, зажал между губами. Играючи щелкнув зажигалкой, он поджег сигарету. Затянувшись, он крайне мягко спросил:

- Значит, вы тот самый герой, которого мы так долго искали.

После сказанной фразы он уселся поудобнее и улыбнулся, хитро прищурившись. За все время (во всяком случае, первые минуты нашего знакомства показались мне вечностью) он не отводил взгляда от вашего покорного слуги. словно коллекционер изучал какой-то доселе невиданный экспонат. Я сразу понял, что именно с ним разговаривал по телефону. Тон его голоса остался у меня в памяти, и теперь я был вынужден вернуться в реальность. Передо мной сидел человек-телефон.

- Мы позвали вас... - Он закашлялся, вытащил из кармана своих брюк носовой платок, вытер рот и тонкие усы, кстати, которые ему абсолютно не шли.

- Все взаимосвязано, не так ли? – спросил он, неожиданно поменяв русло почти не начавшегося разговора. снова молчание... Видимо, он ждал моего ответа. Я пожал плечами...

- Ну ладно, давайте так... Понимаете, жизнь так устроена, что ее трудно прожить без чьей-либо помощи. Люди должны помогать друг другу... Особенно в наше время. Всем подряд не доверишься. У каждого свои прогнозы. Те, кто ждут северный ветер, вдруг становятся жертвами южного. Не все дороги приводят к храму. Это не мои слова, в кино слышал. Я вместо храма, наверное, сказал бы к мечети. Жаль, что наши дороги к мечетям не ведут, наоборот, обходят их... Я хочу сказать, что дороги бывают разные. Кто знает, каков будет конец начатого пути. Люди только представляют его и очень часто ошибаются.

"Очень примитивный и устаревший стиль", - подумалось мне. Меня этим не возьмешь. Кажется, Человек-телефон заметил недовольство на моем лице, и, поерзав на месте, сказал:

- Вы сказку про Джыртана читали, наверное? – прищурившись, спросил он. Я был удивлен и утвердительно кивнул головой.

- Вы знаете, в чем была ошибка Джыртана?

Я промолчал, честно говоря, не совсем понимая, к чему он клонит.

Северный ветер, южный, Джыртан... При чем тут все это? Мне даже показалось, что человек, сидящий напротив меня, не совсем нормален. Но в то, что сумасшедший занимал ответственную должность, я тоже не мог поверить. Во всяком случае, если сидя в этом роскошном помещении, он чем-то и кем-то руководит, сказать про него, что он больной человек, противоречило бы любой логике.

- Короче, мы нуждаемся в вас, - человек-телефон испытующе посмотрел на меня и продолжил. - И очень хотим, чтобы вы нам помогли в этом деле.

Чем простой человек мог пригодиться владельцу столь огромного состояния, я не совсем понимал.

- Понимаю, - сказал я, - но вряд ли могу чем-то помочь.

- Вам это кажется, - человек-телефон закурил, а мне протянул серебряный портсигар, я поблагодарил его, но к сигаретам не притронулся. Я до сих пор ощущал во рту тошнотворный привкус сигареты, которую выкурил в машине.

Деревянная кукушка на старинных настенных ходиках прокуковала 11 раз.

- Вы пишете, а мы читаем, не так ли?- вопросительно уставившись на меня, он стряхнул пепел с кончика сигареты.

- Точно так, - согласился я. - Но я пишу для себя, а не на заказ. Поэтому вы сильно ошибаетесь, если думаете, что я буду работать на вас. Я никогда не писал под чью-либо диктовку, - сказал я и впервые удивился собственной смелости.

- Мы знаем, но для достижения цели приходится кое с кем считаться. Быть чрезмерно амбициозным и не принимать во внимание мнение окружающих нецелесообразно. Нужно быть прагматиком. Человеку, как биологическому существу, свойственно меняться, и, наверное, вы не станете это отрицать.

"Черт возьми, снова эта дилемма",- на этот раз мои мозги дали сбой.

- Если вы принимаете за прагматизм ложь, приспособленчество, продажность, я никак не могу с этим согласиться. Такой прагматизм присущ только им, - сказал я, показав на телевизор.

- Вы знаете, как этот кашкалдак назвал одного нашего уважаемого писателя? - И, не дождавшись ответа, продолжил: - Он назвал его Голубем мира, потому, что писатель призывал к миру с армянами, а тот обозвал его кашкалдаком. Этот самый кашкалдак прежде, чем обозвать

уважаемого человека в преклонном возрасте Голубем мира, позвонил ему и попросил о встрече: - Целую ваше талантливое перо, не соблаговолите ли вы выпить чаю в доме вашего покорного слуги?

- Как вы думаете, какого цвета перо писателя? – спросил я.

Человек-телефон опешил: - Руки писателя?

- Именно перо, может быть, оно грязное и не стоит целовать, но для него, наверное, без разницы, куда целовать писателя. А для меня разница есть во всем. Я сторонник рационального мышления.

- Рациональное мышление, - повторил он и стукнул по столу так, как будто сделал очень важное открытие. - Рациональное мышление! Так мы именно этого от вас и хотим. С такими кашкалдаками мы не связываемся. Их только подстреливать нужно. Мы видим вас в роли охотника, но никак не дичи, и хотим пригласить вас на охоту.

- Не понял? – сказал я.

- Рыба,- сказал человек и посмотрел мне прямо в глаза.

- Какая рыба?- спросил я.

Человек-телефон раскрыл лежащую на столе очень хорошо мне знакомую газету и начал читать: "Я вижу все время один и тот же сон. Вижу, как рыбачу на берегу маленького озера. Вдруг на крючок попадает огромная рыба. Я пытаюсь вытянуть удочку, но рыба постепенно удаляется от меня, а маленькое озеро превращается в огромное водное пространство. Уплыв далеко, рыба выпрыгивает и ударяется раздвоенным хвостом о воду. Лучи солнца падают на ее чешую, и она начинает блестеть. Никогда еще в своей жизни я не видел рыбу такой красоты".

- Ясно, – говорю, – дальше можете не читать. Я не могу ее поймать. Всегда одинаковый конец – обрывается леска.

- Нам нужна эта рыба! – от радости у него заблестели глаза.

Я еле сдержался, чтобы не расхохотаться. Но с такими людьми лучше не шутить. Поэтому я собрался и максимально корректно сказал:

- Это сон. Я видел ее только во сне. Невозможно поймать сон.

- Верно, нельзя поймать сон. Но в реальной жизни можно. Именно вы должны поймать эту рыбу.

- Где?

- Вот это не наша проблема. Она нам необходима, и, кроме вас, поймать ее никто не сможет. Мы долго анализировали и пришли к выводу, что вы знаете друг друга. Последовала короткая пауза, человек-

телефон закурил и продолжил: - Шефу часто этот же сон снится, но его состояние сейчас таково, что не позволяет вам встретиться. Я очень люблю его. Поэтому хочу во что бы то ни стало изловить эту рыбу. Если вы найдете ее, у вас будет все: богатство, возможности, даже жена к вам вернется. Шеф – могущественный человек. Стоит ему пальцем щелкнуть, ваш тесть будет ползать на коленях.

Хотя мне доставляла удовольствие одна мысль о том, что мой тесть будет ползать на коленях, я попросил не использовать в его адрес подобных выражений, как-никак он был отцом женщины, которую я продолжал любить. Человек-телефон сделал рукой жест, означавший, что он меня понимает.

- А если я не соглашусь? – спрашиваю.

- Тогда у вас ничего не будет, вы будете жить в нищете до самой смерти и никогда не увидите больше свою жену. Кроме того, мы сделаем так, чтобы вы извелись от ревности.

Меня начало подташнивать. Было уже не до смеха. Меня душила злость из-за этих придурков, совершенно ошалевшего государства и его уродливых детей. И он почувствовал это:

- Да поймите же вы, наконец, эта рыба нам очень нужна. Шеф хочет ее увидеть. Вы просто обязаны сделать это ради нации и народа. Шеф нам очень дорог. Все работники нашей компании молятся на него.

- А чем занимается ваш шеф? – спросил я.

- Всем. Точнее он - это все. И все, что вы видите и не видите, принадлежит ему.

Я снова ничего не понял.

- Видимо, мне придется рассказать вам вкратце историю нашего шефа.

11. Человек-аквариум

- Шеф был самым простым рыбаком, - начал мой собеседник и показал на портрет над его головой. На портрете был изображен человек в генеральском мундире, на его лице застыла улыбка. Но улыбался как-то неестественно, это трудно было не заметить.

- До второй мировой войны шеф плавал на рыболовецком судне своего дяди. После того, как все мужчины ушли на фронт, его бизнес стал процветать, и он разбогател. Но не только это стало причиной его

увеличившегося состояния. Кто-то шефу помог. Мы подозреваем, что это гибрид рыбы или нечто похожее на это. Он не любит говорить об этом, но, будучи в хорошем расположении духа, иногда вспоминает. В очень короткий срок, благодаря той самой рыбе или же рыбообразному, наш шеф превратился в одного из самых богатых людей страны и стал во главе нашей компании. Еще раньше он возглавлял службу безопасности, равно как я сейчас.

Человек-телефон зажег очередную сигарету... Потом произнес шепотом: "Эту самую рыбу много раз хотели поймать несколько удальцов, но никто из них не умер своей смертью. Шеф просто смотрит на жизнь: "Никого не пропускай вперед себя, плыви по течению, вовремя ликвидируй препятствия, которые могут помешать тебе в будущем, будь беспощаден с врагами. Он ничего не прощает даже своей дочери и сыну". Наверное, вы понимаете, о чем я?"

Я пожал плечами.

- Мы должны быть осторожны, - он стал говорить еще тише. Как-то раз начальник одного из отделов нашей компании был застрелен своим же сотрудником. Причина знаешь в чем, в директорском кресле. Может, этот человек и не подозревал об этом, но властям он нравился. Он был реальным кандидатом на руководящую должность. Когда шефа назначили на эту самую должность, у него сразу же появилось множество врагов. Но одного из них нашли повешенным в собственной квартире, другого расстреляли на проспекте "Азербайджан". Лучшие умы, например, один очень известный академик, ветеран войны был убит у дверей своего дома. Ему выстрелили в рот. Знаешь, да, что это значит... язык за зубами не смог держать. - Мой собеседник так увлекся, что сигарета в его руке догорала и чуть ли не обжигала ему пальцы. Он спохватился и затушил ее в серебряной пепельнице. Его пальцы напомнили мне разъяренного быка, топчущего свою жертву.

- Теперь, надеюсь, вы понимаете, почему шеф ищет эту рыбу? - Сам же ответил: - Потому что она слишком важна для него и не только для него...

- Это только в сказке или во сне бывает, - сказал я.

- Никто не знает, где заканчивается реальность и начинается сказка. Надо поменять местами, - он посмотрел мне в глаза. - Нужно сон превратить в реальность. Для этого вы должны поверить, что сновидение, которое вы видели - необыкновенно. В жизни ничто просто

так не происходит. Все взаимосвязано (последние слова человек-телефон произнес с большим трудом). "Закон сохранения и превращения энергии" - это вам о чем - то говорит?

Я снова пожал плечами.

- То, что вы видели во сне, - это отзвук происходящего с вами в реальной жизни. Возможно, вы этого не осознаете, все определяет ваше подсознание. Вы даже можете вспомнить место, где поймали рыбу, если хорошенько подумаете. Например, среду, которая вас окружала, может быть, эта местность чем-то еще запомнилась.

- Да....там было еще....,- неожиданного для него промолвил я.

- Что было? - у него заблестели глаза.

- Дерево было... и еще...

- Что еще?

- Бабушка...

- Кто?

- Бабушка, моя бабушка, - сказал я. - В детстве бабушка говорила, что нашла меня на берегу Аракса, куда, якобы, принесла меня Русалка.

- А куда Аракс впадает?- хитро спросил человек-телефон и сам же ответил, - в Куру.

- В Куру, - тупо повторил я.

- А Кура куда впадает? В Каспий.

- В Каспий, - снова повторил я.

- Вот видите?! Вы вспоминаете! Сон превратится в реальность, если будете думать в том же направлении. Нужно думать и много. Например, наш шеф полагает, что человек может превратиться в рыбу, если его долгое время держать в аквариуме. После последней фразы он поднялся и жестом пригласил меня за собой. Мы вышли в коридор, и после томительных шагов оказались перед ореховой дверью. Отворив ее, мы вошли в комнату, примерно в 10 квадратных метров, и прошли через нее к другой двери. Тихонько приоткрыв дверь, я заметил посередине комнаты огромный аквариум. В нем лежал мужчина. На его лицо была надета маска от акваланга. Лишь только потому, как опускался и поднимался живот, можно было понять, что человек еще жив, у уголков его рта набухали, как бусинки, капли воды. Мы долго смотрели на него. Человек этот перевел взгляд на меня, изучая мою реакцию, и был очень доволен.

Мне казалось, что его обуревают радость. После очередной игры в

молчанку мы вышли в коридор, и человек-телефон очень тихо начал разговор:

- Ровно два месяца и 11 дней как этот человек каждый день проводит несколько часов подряд в аквариуме. Шеф ждет. Времени мало. На карту поставлена судьба народа, нации.

- Это не по мне, - сказал я. - В отличие от вашего шефа, я плыл против течения.

- Правильно плыли. Сейчас времена другие. Шеф осознает, что теряет связь с рыбой. Чтобы ее восстановить, ему нужен человек, который сыграет роль посредника. Он должен соединить прошлое и будущее, и когда придет время, должен уйти. Он все чувствует особенно остро. Этот человек - вы. Мы совершили назад тот же путь. Он вытащил из пачки новую сигарету, предложил мне. Я отрицательно покачал головой.

- А... совсем забыл, вы же бросили за месяц до женитьбы, - абсолютно проигнорировав мое удивление, зажег сигарету. Человек-телефон поднял голову, приоткрыл рот, как рыба, и стал пускать дым кольцами. Маленькие браслеты дыма таяли, едва коснувшись потолка. Некоторое время мы наблюдали за этим процессом.

- Хорошенько подумайте,- сказал начальник охраны шефа и протянул мне визитную карточку. - Если передумаете, позвоните. Остальное мы берем на себя.

Мы одновременно поднялись. У меня было страшное желание вырваться из этого суматошного дома и вернуться в свою общагу. Именно сейчас несчастное общежитие казалось мне самым желанным местом на свете.

В этом огромном здании я чувствовал себя насекомым. Они могут раздавить меня, как сигаретный окурок, стоит им только захотеть.

Обратно меня привез тот самый верзила. Мы оба не проронили ни слова, он привез меня к общежитию. - Не вздумай с нашим шефом шутки шутить,- бросил он мне и уехал.

Все они одинаковы, подумал я, когда с трудом поднялся по лестницам общежития. Было начало третьего. Мне же казалось, что прошла целая вечность, я видел абсурдный сон. Когда зазвонил телефон, я понял, что это был далеко не сон. И все-таки к трубке не подошел. Я лежал в своей постели и, глядя на потолок, думал... Начиналась новая жизнь. Как бы я этому ни противился, я четко ощущал это. Даже в

мечтах невозможно было представить, что моя память когда-нибудь избавится от всего этого. Всё, что принимало мое существо и удобно размещалось в голове и душе. И уже начинало жить своей жизнью. Но, несмотря ни на что, это было чем-то магическим, и это что-то меня притягивало. Снова зазвонил телефон. Мне хотелось спрятаться, но, если даже я спрятался бы в хлеву уже несуществующего колхоза Ял-Оба, меня все равно бы нашли. От этой мысли у меня вконец испортилось настроение. Этот хлев был вырыт в земле. Когда-то там держали коров. Но сколько себя помню, там, кроме летучих мышей, ничего не было. И мы прятались там, когда играли в прятки. Сейчас я ни за что туда бы не залез. Дети бывают гораздо смелее взрослых. Наверное, срабатывает инстинкт самосохранения. В данный момент я чувствовал, как меня одолевают насекомые.

Я сел в углу как в детстве. Когда меня обижали, я выбирал темную комнату, садился в темный угол и не выходил, пока меня не находили. Там тихо оплакивал свою горькую судьбу. Я даже хотел покончить жизнь самоубийством назло домашним. Представлял свои собственные похороны и как над маленьким трупом убивались родители, и мне становилось очень жаль себя. Однажды я уже видел смерть ребенка. Моя маленькая сестра утонула в реке Аракс. Она была шести лет от роду и в будущем году должна была пойти в школу. Ее тело нашли деревенские женщины, они очень шумно оплакивали ее, поэтому я передумал умирать. Я боялся, что умершие дедушка, бабушка и маленькая сестра, фотографии которых висели на стене, могут на меня прогневаться. Мне казалось, что моя сестренка плавает где-то в Араксе, когда-нибудь она непременно вернется домой. Так я думал, пока не вырос. Я рос, а вот она оставалась маленькой шестилетней девочкой.

Сидя в углу, я вспоминал те далекие дни и чувствовал свое сиротство. Я звал на помощь дух моей маленькой сестры. Она не по годам много знала, могла видеть будущее. Именно поэтому ее унес Аракс. Аракс впадает в Куру, Кура - в Каспий... Русалка оставила меня на берегу Аракса, уплыла, забрав с собой мою сестру.

Бедная рыбка, ставшая жертвой дядиной лопатки, за черенок которой некогда держался и я, теперь проживает свою вторую жизнь. Рыбка выплывала с самого дна Каспийского моря, подпрыгивая на поверхности, стремясь к солнцу, солнечные лучи обнимали ее, и она загоралась неестественным блеском. Плавники на ее хвосте становились

красными. Я окунался в реку и начинал плыть. Моя сестра плыла по течению, я - за ней, но как ни старался доплыть до нее, не мог. Я плакал... Внезапно очнувшись, я не мог сообразить, сколько прошло времени. Единственное, что я почувствовал, - это присутствие в комнате еще кого-то, я был точно не один. Этот кто-то был абсолютно реален, я ощущал его дыхание на своем лице. Открыл глаза. Сначала я различил пару рваных тапочек, дальше - шерстяные носки, платье, две округлости на платье и в конце черные волосы под огромной шалью. Передо мной стояла девушка лет 17-ти. Некоторое время я взирал на нее сонным взглядом. Потом посмотрел по сторонам. Я ничего не понимал. Все было на месте, кроме меня, я сидел в углу.

- Ты кто?- спросил я.

Она растерялась и стала перебирать пальцы.

- Понимаете, я услышала плач, когда проходила мимо вашей двери.

-Плач?

- Плач,- она смущаясь кивнула головой и добавила: "Вы плакали".

- Я?

Девушка вновь кивнула головой. Я провел рукой по глазам, они действительно оказались влажными. Я совершенно не знал, что сказать. Мне было непонятно, как эта девушка вошла. Видимо, я оставил дверь открытой или ветер распахнул ее. Нужно было начать разговор, и я сказал правду.

- Знаете, я видел сон. Мне приснилась моя сестра.

Она понимающе кивнула головой.

- Я тоже частенько вижу сны. Моя бабка говорила, что сны - это явь человеческой души.

- Сейчас я вам покажу. - Я поднялся и вытащил из ящика шкафа старый альбом. Немного порывшись, я нашел фотографию своей сестры. На черно-белом фото была запечатлена девочка с шалью на голове, в руках у неё была кукла с взъерошенными волосами. Она стояла на берегу Аракса, который отнял ее у меня, и щурилась, глядя на солнце. На заднем плане видна железная дорога, по шпалам шел наш Бахрам и смотрел в нашу сторону. Совсем вдалеке различались лысые вершины гор.

- Красивая, - сказала девушка.

- Красивая, - подтвердил я, - но ее нет...

- А где она?

- Она плывет по течению.

Кажется, она не совсем меня поняла, но допытываться не стала. Некоторое время мы постояли молча. Потом она вдруг сказала. - Я знаю...

Я ничего не понял и спросил: "Чего не знаете?" Она смотрела на меня, будто собиралась сообщить что-то важное, но ей не хватало смелости. Она покусывала губы, теребила в руках носовой платок. Когда же увидела мой вопрошающий взгляд, вконец растерялась. Неловкая пауза длилась несколько секунд, после чего девушка неожиданно спокойным голосом сказала:

- Человек-аквариум...

От удивления у меня отвисла челюсть.

- Кто?

- Человек-аквариум.

Снова молчание. Девушка будто проверяла мою реакцию или же отводила мне время для того, чтобы я переварил обрушившуюся на меня информацию.

- Мне известно, вы были у него... Внизу я видела его... водителя...

- Но... - Я был слишком растерян и поэтому автоматически задал вопрос:

- Вы откуда знаете?

- Они мне сказали.

- Кто?

- Они.

- Кто они?

- Знаете, это очень длинная история.

- Неважно, я хочу слышать все.

Девушка села на кровать, оправила подол платья так, чтобы не было видно ног, и очень ровно начала разговор. Казалось, что слова, которые она произносила, были сонными...

12. Человек-рыба

Мы переехали сюда 10 лет назад. Еще ребенком я предугадывала события. Например, я точно знала, что наш черный ягненок потеряется, и он и вправду пропал. Я знала, что вскоре дед заболеет и умрет, точно - умер. Я рассказывала об этом матери, та не верила. Я даже смогла предвидеть, какой тропой мы будем убегать из Ходжалы, как армяне

убьют моего отца... В ту ночь, когда армяне атаквали деревню, я ... - она не смогла продолжить, чуть не плакала... знаете, я ведь взрослая уже была... Она немного молчала, затем, собравшись с духом, сказала - я описалась. Мать моя за это меня поколотила. Я призналась ей, что боюсь. Она снова мне не поверила. Ну, да ладно, не хочу вспоминать, каким мучениям подвергли армяне моего отца, как мать, закрыв мне рот рукой, вывела меня тайной тропой. Да и вас утомлять не хочу. Сейчас это никого не волнует. Но до сих пор слышу, как стонет мой отец, вижу его на лютном морозе, когда его то и дело обливают водой. Всё это во сне, но когда просыпаюсь, эти страшные видения оживают перед глазами. Нет, не хочу вспоминать, - снова повторила она. Я хочу вам поведать обо всем, что приключилось со мной до приезда сюда.

Девушка молчала и грызла ногти.

- После смерти отца, то есть после того, как я увидела его смерть, мой дар исчез, словно, у меня внутри что-то переключилось, возникла пустота. Только однажды, год тому назад, я почувствовала у себя в комнате присутствие живого существа. Существо ползало и переливалось в лучах солнца, падающего из окна. От испуга я закричала. Мать вскочила с постели и включила свет. Никого не было, тогда как я четко слышала шуршание и видела блеск. Это был не сон. Чувства во сне притупляются. Здесь было все реально..... Не так ли?

- Так, - механически согласился я.

Мать пожурила меня и тут же заснула. Но спустя некоторое время всё повторилось снова. Я закричала. Мать, обрушив на меня проклятия, встала с постели, зажгла свет и стала обыскивать комнату. Опять никого. Только на полу блестели чешуйки и пахло рыбой. А после того, как вы переехали сюда, это повторилось. Мать дома не ночевала. У нее было дежурство в больнице. На этот раз я не закричала, хотя очень сильно испугалась. Приподнялась и села на кровати. Существо было посреди комнаты, оно как будто меня не замечало. Оно было в комбинезоне, напоминающем рыбью чешую, лицо тоже было покрыто чешуйками, а вот глаза были человеческие, смотрели словно откуда-то из глубины. Ушей не было видно, вместо раздвоенного хвоста были человеческие ноги.

Немного постояв, то ли рыба, то ли человек подошел к стене и тихонько несколько раз постучал по ней; нащупав пустоту, существо остановилось, вынуло из кармана ножик. Осторожно сняв слой

штукатурки, оно извлекло из стены что-то похожее на шкатулку. Когда существо стало листать ее, я поняла, что это книга. По всей комнате распространился запах плесени. Изучив несколько страниц очень внимательно, существо уселось на стул. Не спросив разрешения, зажгло настольную лампу. Стол и лампа уже были, когда мы въехали в этот дом, поэтому мы являлись их формальными владельцами.

Я не знала, что сказать. Язык мой одеревенел. Я дотронулась до спинки кровати - холодная, значит, это не сон. Был бы сон, ничего не почувствовала бы. Человек-рыба тоже, чтобы очнуться, что ли, протер глаза тыльной стороной ладони и начал свой рассказ очень тихо. Голос доносился словно из-под толщи воды, и слова получались отрывистыми.

- Это наша комната. Вернее, была нашей, - сказал он. Этот стол, стул, лампа точно так же стояли на своих местах. Все, как прежде. Но изменилась сама суть. Все меняется... Плывущие когда-то против течения отдаются во власть потоку. Так было всегда. Я пошел против, потому что не смог измениться.... После короткого молчания он вытащил из нагрудного кармана своего пиджака пачку сигарет, но курить не стал. Видимо, раздумал, потому что положил пачку на место. Он курил сигареты не такие, как у нашего сторожа. Красивая пачка была. Название, кажется, на "М" начиналось.

- "Муратти", - сказал я.

- Да, "Муратти", - обрадовалась девочка.

- Раньше именно на этом этаже размещался Отдел по развитию рыболовства, и мы занимались выведением новых гибридных пород рыб, - рассказывал, жестикулируя, человек-рыба. - Наконец, наступил день, когда я и мой шеф достигли желаемого результата. Инициатором всего был наш шеф. По условиям эксперимента мы поместили простую аквариумную рыбку в мини-пруд для опытов. Не поверите, уже через месяц стало заметно различие между нашей подопытной рыбкой и другими ее сородичами. Удивительно, рыба смотрела на нас абсолютно человеческим взглядом, так, как будто что-то хотела сказать. Она привыкла к нам. Услышав наши шаги, рыба поднималась вертикально, встав при этом на плавник хвоста, и смотрела на нас. Через некоторое время мы выпустили ее в море. И рыба передала нам сигналы. Мы получали их только во сне и могли точно определить, в каком месте находится наша рыба-агент, - сказал человек-рыба и улыбнулся. - Мы создали секретную сеть с крупными браконьерскими судами и сообщали

им о местах большого скопления рыбы, делали на этом огромные деньги. Шеф постепенно стал скрывать от нас поступающую информацию. Еще некоторое время спустя он ушел с работы и занялся своим личным бизнесом. Вскоре его имя стало упоминаться среди сильных мира сего. Меня он, конечно же, убрал. Только я знал о всех его темных делах.

- Значит, вы умерли? - спросила я.

- Может быть, умер, а может, нет. Очень трудно определить. Все зависит от оценки состояния. Кто-то может считать меня трупом, кто-то - живым. На этот раз человек-рыба закурил:

- Меня искалечили, забили чуть ли не до смерти и выбросили в море. Но я умер не до конца, клетки мозга остались целыми. Мир, в который я попал, был так прекрасен, я никак не хотел возвращаться. Теперь я понял... - сказал человек-рыба и замолчал.

После некоторой паузы он продолжил:

- На данный момент шеф потерял сигналы. Сидит в аквариуме и пытается их восстановить. Но это невозможно, они поступают к другому человеку. Тот человек не знает об этом, а вот шеф в курсе. Шеф прочитал его интервью.

Тут в дверь постучались, я растерялась. Когда очнулась, в комнате уже никого не было. Кажется, человек-рыба вышел через окно. Я открыла входную дверь, но и там никого не оказалось. Но то, что человек-рыба вытащил из стены и, что я приняла за книгу, осталось на столе. Это была обыкновенная тетрадь, заполненная несметным количеством цифр.

Девушка ушла в другую комнату за тетрадью. А у меня как раз выдалось несколько секунд на размышления. Хотя в рассказе девушки было много мистики, но в нём была какая-то логика. Все события были связаны между собой. Еще Севиндж предчувствовала что-то неладное, и, вот, пожалуйста, развод...человек-аквариум...незнакомая девушка.....и человек-рыба.

Наконец, девушка принесла тетрадь. Действительно, там всё было в виде цифр и каких-то значков.

- Как вы думаете, что бы это значило? - спросил я.

Немного помолчав, она ответила:

- Не пойму. - Потом добавила: - Сигналы.

- Вы хотите сказать, что сигналы, которые передает рыба, есть координаты?

Она утвердительно кивнула головой.

Несмотря на все это, каракули в тетради оставались для меня непонятными.

- Мне кажется, он вас ждет, - вдруг сказала девушка.

- Хочешь сказать, что....

- Да, - подтвердила она. - Вы именно тот, кто получает сигналы рыбы...

Из коридора доносились лишь шаги.

- Меня не должны здесь видеть, - сказала девушка и выскочила за дверь.

Я был в оцепенении, ничего не понимал. Когда пришел в себя, поспешил за ней в коридор. Но её уже не было. Девушки простыл и след.

Я вернулся в комнату, и мой взгляд остановился на альбоме с фотографией моей сестры, который оставался на столе. Девушка, что так внезапно убежала, как две капли воды, была похожа на мою сестру. Если бы сестренка осталась жива, она была бы именно такой. Я ничего не понимал... Что там понял человек-рыба?

Зазвонил телефон. Я не захотел ни с кем разговаривать. Трубку так и не снял. Мне вдруг вспомнилась история из детства, связанная с пропажей меченого ягненка и смертью моего дедушки...

Телефон снова дал о себе знать. Я вспомнил, что сегодня не был на работе, и меня могли искать. Все-таки взял трубку. Звонившим оказался мой студенческий товарищ Мехти. Пока я разговаривал с Мехти, мне вспомнился разговор помощника человека-аквариума... Сам не знаю, зачем, я предложил Мехти: «Может, раздавим бутылку?»

- Ай, джан?! - от радости Мехти воскликнул так, что я услышал его голос из автомата, стоящего напротив пятиэтажки.

Я озвучил свою идею снова.

- Где? - спросил он.

Я предложил когда-то очень популярное среди моих знакомых кафе под названием "Гоч".

- Через полчаса буду,- выпалил Мехти.

Спустя 30 минут я уже подходил к кафе на улице 28 мая. Мехти пришел раньше меня. Он разгуливал перед входом в кафе в черном плаще с поднятым воротником и перемотанным вокруг шеи совершенно

красным шарфом. Мой товарищ был похож на Лермонтова. Может быть, это от того, что в последнее время он очень увлекался поэзией.

13. Водка "Титаник", пиво "НЗС" и Дон Кихот

Мехти - человек с огромным запасом энергии, который никогда не жалуется на отсутствие времени и растрчивает его по пустякам. В любой компании он чувствует себя, как рыба в воде. Он с такой легкостью прожил 34 года своей жизни, и я никак не мог представить, что когда-нибудь энергия его иссякнет и он тихо-смирно ляжет на кровати, чтобы встретить смерть. В моем представлении Мехти бессмертен.

С выпивкой у моего друга были замечательные отношения. Чтобы посидеть за рюмочкой – другой, он мог приехать за тридевять земель. Я всегда поражался его азартности. В отличие от меня, он ни разу не был женат. Он всегда влюблялся для того, чтобы сделать счастливым только себя и никак не противоположный пол. Ему абсолютно безразлично, счастлив ли с ним человек или нет. Тут мы совсем не похожи. Я был женат всего один раз и старался, чтобы моя жена была счастлива. Как-то после очередного разрыва с очередной подружкой Мехти посетовал, что, мол, девушки его не понимают. Я попытался объяснить, что причина в его эгоизме. Странно, Мехти тут же согласился, но это ничего не изменило. В последующие разы он поступал, как и всегда.

Сев за стол, Мехти потер руки, от предвкушения у него блестели глаза.

- Что пить будем? - спросил я.

- Все, что родина производит.

- Тогда сам выбирай

- "Титаник" как тебе?

- Неплохо,- сказал я, хотя ни разу не пробовал ее. Просто так ответил, чтобы не облажаться.

Мы сделали заказ.

- Ну, рассказывай, как у тебя дела. После событий тебя не видно.

Мой друг имел в виду развод. Я пожал плечами.

- А ты как, как твоя новоиспеченная организация?

- Закрылась уже, - весело сказал Мехти, потом потянулся и стукнул себя по груди.

Официант принес джиз-быз и квашеную капусту. Мой друг открыл бутылку, разлил по стаканам, быстренько чокнулся и опрокинул содержимое стакана в пустой желудок. Потом с кислой физиономией сказал:

- Хорошая штучка.

Я последовал его примеру, но в отличие от Мехти ничего хорошего не почувствовал.

- Чего хорошего-то? - спросил я.

- Тебе меня не понять, ты однолюб, - ухмыльнулся он.

- А водка тут причем?

- Да не водка, а девушка из «Титаника» хорошенькая! Я про девушку. Мне кажется, этот фильм удался благодаря ей. Никто никогда не поверит, что эта красота когда-то может увянуть...

Я не стал отвечать.

А мой друг продолжал киноведческие откровения.

- Весь фильм на ней держится. Без нее - ну никакого кайфа... Все началось с образа, который запечатлевается у зрителя в памяти. Превращение когда-то юной красавицы в старуху... Потому что все в ответе за былую красоту... Водка - дерьмо, дерьмо, - заключил Мехти и снова наполнил рюмки.

Не прошло и получаса, как водкой уже наполнился другой сосуд под названием желудок. Кафе было переполнено. И постепенно наша одежда, волосы впитали запахи различных марок сигарет.

Мы обсудили все события со времен студенчества до последних международных. Мехти вспомнил еще какой-то интересный факт, но я его прервал внезапным вопросом:

- Послушай, ты будешь смеяться, если я кое-что тебе расскажу?

- Неа, давай, только, может, еще пивка? - хитро прищурился он.

Я подозвал официанта и попросил два пива "NZS". Пока несли заказ, я поднял жалюзи, и дым, как воришка, быстро улизнул в открытую форточку.

Мехти залпом опрокинул кружку пива и, даже не переведя дух, сказал:

- Давай колись, не бойся, не засмею, - сказал он и почему-то засмеялся.

Я немного поколебался, но водка выполнила свою миролюбивую миссию, развязала язык, ликвидировала все страхи и сомнения, и пошло-поехало:

- У тебя бывает так, что ты видишь что-то похожее на сон, но это оказывается реальностью?

Мой друг скривил рот и пожал плечами:

- Не понял...

- Ну...если ты увидишь совершенно невероятную вещь, согласишь?

- Как можно верить в невероятное?

- И даже представить не можешь?

- Нет, представить могу,- сомневаясь, сказал он.

Честно говоря, мой товарищ не обладал особой глубиной. Возможно, поэтому я любил с ним посидеть. Совсем тупым его тоже не назовешь. И еще Мехти умеет выкручиваться из любого положения. Про таких говорят: в воде не тонет и в огне не горит. В любом случае я должен был кому-то открыться и почему-то первым мне в голову пришел Мехти. Наверное, потому что он был первым, кто мне позвонил. Если бы Севка позвонила, я бы ей тоже рассказал.

Я попытался сменить тему разговора:

- Может, еще по пиву?

Это предложение сделало моего друга абсолютно счастливым, потому что его пиво стремительно приближалось к мочевому пузырю.

- Хорошо бы... - весело сказал Мехти.

Пока официант нес пиво, Мехти закурил, вдохнул дым и, стряхивая пепел, спросил:

- Нууууу? Так что ты хотел рассказать...Реальность, сон....

- Нееее, ты смеяться будешь, - сказал я.

- Сказал - не буду, значит, не буду, - отрезал Мехти.

Я посмотрел ему прямо в глаза и спросил:

- Ты человека-аквариума видел?

- Человек-аквариум?- переспросил он.

Я утвердительно кивнул головой.

- Человек-аквариум, - сказал Мехти и на этот раз расхохотался.

- Ну, я так и знал... - понервничал я, - Да, именно человек-аквариум! Чего ржешь, я видел его сегодня, вот как тебя сейчас, - сказал я и в хронологическом порядке рассказал Мехти все, что со мной приключилось. Я старался не пропустить ни единой детали. Можно было

подумать, что я даю показания по поводу какого-то криминала и каждая деталь моего рассказа могла помочь следствию. Мой друг слушал меня внимательно, но, кажется, не очень-то верил. Когда я закончил, он опорожнил в брюхо сначала свой бокал, потом принялся за мое пиво. Но треть моего бокала все-таки осталась.

- Ну что скажешь? - спросил я.

Мехти опустошил одну треть:

- Ну что я могу сказать? Похоже на кино. Я видел такие вещи только в кино и во сне.

- Какой сон? Я помню, где это находится, и могу тебя туда отвести. Он сказал мне, что даст мне нужное количество денег, если понадобится.

- Денег даст? - обрадовался Мехти,- тогда можно поверить, и ударил меня по руке. Стоит попробовать, и потом, сколько хотим, столько водки купим.

Что поделаешь, если ценности для моего друга измерялись количеством бутылок водки.

- А вдруг я не найду эту рыбу? Если честно, я не представляю, где ее искать.

- Что значит, не представляешь, где искать! В Каспийском море! Это место может быть только в Каспии.

- Не только.

- В любом случае твой шеф выпустил ее в море, теперь сидит и надеется, что ее найдешь именно ты.

Я покачал головой.

- Ну, а не найдешь, ну фиг с ней, с рыбой, зато денежки растратим, а дальше хоть потоп. Самое главное - смекалку вовремя проявить.

Я промолчал. Просто засомневался в серьезности его высказываний.

- Хочешь, я с тобой пойду? - спросил мой друг.

- Seriously?! - обрадовался я, почувствовав облегчение от внезапно протянутой руки. Теперь я не один. Было с кем разделить ответственность.

- Только с одним условием, я буду тебя только сопровождать, в воду лезть не буду. Я плавать не умею.

Я согласился. После кафе мы еще долго слонялись по улицам, строили планы, смакуя предстоящие приключения, и настроение у нас здорово поднялось.

С Мехти я расстался возле станции метро «28 мая». Не знаю, почему, но я решил пройтись до общаги пешком. Котенка на месте не было, я припомнил маленькую девочку, и у меня защемило сердце. Вошел в комнату и почувствовал холодок, когда увидел на столе ту самую тетрадь. Все еще пахло рыбой. Конкретно рыбой. Независимо от моего местонахождения, я мгновенно ощущал этот запах. Но в комнате, кроме меня, никого не было. Я постоял под душем, потом улегся на кровать и включил телевизор, очередной бессмысленный американский боевик заставил меня уснуть.

Во сне я был Дон Кихотом. Мы с Мехти верхом на Росинанте, Мехти визжит от счастья.

14. Как чувствует себя человек в шкуре животного?

Меня разбудил скрежет. Сначала мне показалось, что дети катаются на самокатах. Но звук доносился совсем издалека. То была домохозяйка, которая вешала бельё, и душераздерающий звук ролика распространялся на всю округу. К этой музыке присоединились вопли продавцов хлора и гатыка. Какофония несовместимых звуков здорово царапала мне нервы.

Я принял душ, причесался, выпил стакан горячего чая и принялся листать тетрадку, но абсолютно ничего из этих каракуль не понял. При этом меня посетило странное чувство, будто я вот-вот должен осознать что-то важное, но у меня гудела голова, и я ничего не смог уловить до конца. Происходящее напоминало мне непонятный детский рисунок. Я немного послонялся по комнате, потом от нечего делать решил постирать рубашку и повесил её сушиться. Посмотрел на соседский балкон в надежде увидеть девочку. Но никого не оказалось. Долго прислушивался, но в квартире была гробовая тишина. Мне показалось, что там никого нет.

В этой квартире раньше никто не жил. Перед зданием общаги были детские качели, ребятишки резвились и громко галдели. Жизнь для них пока еще не имела осознанного смысла и представлялась им бесконечностью. Странно, но я внезапно вспомнил про девушку. Если бы я не увидел тетрадь, вернее, если бы тетрадь сама не попала бы мне на глаза, существование той самой девушки вызвало бы у меня глубокое сомнение. Но она была реальна, и я, вернувшись в комнату, снова полистал тетрадь. Я снова ничего не понял. Контакта не было.

Я переоделся и вышел на улицу. Некоторое время слонялся просто так. На этот раз вместо привычного метро доехал до станции "Сахиль" на маршрутке. Окружающий меня мир как будто изменился, стал живее, что ли. Мои наблюдения сопровождалось ворчанием старика в лохмотьях и разноцветной бородой.

--- Им и океана мало. Все сожрали уже. Как теперь океан? Без рыб море не море. Иссохнет, наверное.

Он ожидал поддержки у пассажиров маршрутки, никто не обратил внимания. Тогда старик посмотрел на меня и по-дурацки улыбнулся. А я пожал плечами. И он тут же поменял тему.

- Я обычно на 151-й сажусь по 250 манатов. Это мой автобус. На этот раз мимо проехал. Знает же меня, прохиндей, подумал, наверно, что зайцем проеду. Но деньги у меня есть, сказал старик и вытащил из кармана целую кучу совершенно измятых мелких купюр. Собрал из них 500 манатов, остальные также кучей сунул обратно.

Я сошел на остановке и пошел по улице Хагани к площади Фонтанов. Афиши молодежного театра пестрели. Только что открылся новый сезон. Я был в театре лишь однажды. Это было в первые дни нашего сотрудничества. Мы смотрели в Драмтеатре "Тахмину и Заура" по Анару. Во время спектакля я понял, что не хотел бы быть на месте Заура.

По Торговой я дошел до площади Фонтанов и поднялся до станции метро "Баксовет". Затем точно так же вернулся обратно.

Странно, город мне казался совершенно другим. Почему-то раньше я этого не замечал. После Рениных похорон, я совершил путь по такому же маршруту, но не заметил ни блестящих на солнце высоток, ни выгуливающих своих собак хорошо одетых граждан.

На мгновение мне показалось, что я в совершенно чужом городе. Только воздух был прежним. Пахло мазутом.

Обычно центр города напоминал подиум. Люди выходят на него, показывают себя, свои наряды, демонстрируют породистых собак.

У нас никогда не бывает сильных морозов. Несмотря на это, женщины непременно ходят в дорогих шубах. И не снимают их даже когда уже тепло.

Если бы какой-нибудь сюрреалист написал бы картину нашего города, он представил бы ее как огромный красочный зоопарк. Интересно, как чувствуют себя люди в шкуре мертвого животного? В

принципе между мертвым животным и их теперешней жизнью существовала некая связь. Потому что эти высотки вовсе не должны были принадлежать этим людям. Их настоящие владельцы вынуждены жить в поселках "Гюнешли" и "Сураханы".

На улице ко мне снова прицепилась цыганка. Но меня никак не волновало ее присутствие, скорее, наоборот. Ей самой все это надоело. И, завидя другого клиента, она тут же подбежала к нему: "Ну, пожалуйста, ну, что вам стоит, что будет". И вправду, что с нами будет, подумал я. Как только я зашел в редакцию, там тут же сообщили, что мне дважды звонил незнакомый мужчина. И редактор меня ищет. Я сел на свой стул, немножко порылся в бумагах, мне попала на глаза наша с Севиндж фотография. Мне стало грустно и, минуя редактора, я убрался прочь из редакции. Я послонялся по городу, на дороге между базаром и школой меня засекла все та же цыганка.

- Цыганка - предсказательница судьбы, дай погадаю. - И, схватив мою руку без моего на то согласия, начала гадать. Большой клад ищешь, этот клад находится внутри рыбы. А рыба в море. Ее можно увидеть, но поймать нельзя.

- Что ты мне сказки рассказываешь?!- сказал я и быстро убрал руку.

- Иди прямо, никуда не сворачивай! - прокричала цыганка мне вслед.

15. Журналист-кашкалдак и Голубь мира (продолжение)

Я нырнул в переход возле Кукольного театра и вынырнул возле бульвара. Детишки визжали на каруселях, взрослые им ни в чем не уступали. Хотел было я тоже прокатиться, но передумал и свернул к чайхане на углу "Синема-клуба". Весеннее солнце постепенно побеждало стужу. В этом году весна что-то запоздала. Как настоящий диктатор зима не хотела отдавать власть. По-моему, зима похожа на старика, а весна - на красивую женщину. Солнышко весной улыбается совсем как девушка. Это похоже на первую любовь.

На открытом воздухе было совсем мало посетителей. Я уселся за один из столиков и стал вглядываться в море. Чайки собрались стайкой вокруг причалившего прогулочного катера. Вспомнил про другую птицу. Когда-то эта птица обитала в "Красном уголке" университетского общежития N3. Только что закончил университет.

Когда я увидел его впервые, была страшная жара, а он был одет в черную футболку. Позже я понял, что футболка грязная, вернее, он сам мне подсказал: три дня воды нет, такая жара, одежда к телу липнет... Нищий, но образованный и даже талантливый человек теперь превратился в кашкалдака, все норовили его подстрелить. И однажды, когда ему прицелились в лицо, он в полусогнутом состоянии стал причитать: Стреляйте, умереть от ваших рук - большое счастье!!! «Я представлял его ежеобразную голову, узкое лицо и плечи. Сейчас он стоит на коленях не только перед сильными мира сего, но и типом, который одновременно носит двое часов и серьгу в ухе. В отличие от меня, человек, целившийся в кашкалдака, быстро приспособился к переходному периоду и совсем, как я, поплыл не против, а по течению... нет, скорее не поплыл, а просто раскинул руки, а вода уже сама несла его... И если по совести, то в его смирении тоже было что-то творческое... Вот я измениться так и не смог и по этой причине был очень зол на себя, признаюсь - теперь я ему завидовал.

Он напоминал мне моего тестя. Бывший партократ тут же приспособился к новым условиям жизни. Подобные люди раньше всех чувствуют воздух предстоящих перемен, потому перевоплощение для них происходит достаточно безболезненно. Они как барометры общества. Именно они обладают самой правдивой информацией о том, кто будет смещен или назначен. Мой тесть, например, мгновенно изменил Руссофильский уклон "ов" в окончании фамилии на колоритное "ли", был Бяндаров, стал Бяндярли, причем представил публике свои действия как героический поступок! Его бесстрашие было вознаграждено депутатским мандатом. Такие люди вовремя принимают меры для того, чтобы побольше нажать добра, независимо от власти: старой или новой. Жизненные принципы моего экс-тестя были достаточно просты: любое слово старшего - закон; деньги решают все; копи побольше и неважно, какими способами; поймают, отдашь бабки, срок скосят. Лучше на зоне с деньгами, чем на воле без них. Мне же его философия была чужда. Я никак не мог освободиться от романтики эпохи социализма.

Пожилой человек, качавший своего внука, напоминал Голубя мира. С кашкалдаком у них было немало общего. Оба талантливы, оба осознают бренность этого мира. Каждый из них считает себя неподражаемым писателем, драматургом, поэтом, при этом никак не мирясь с успехами других. Одинаково боятся хаоса, поэтому испытывают

острую необходимость в сильном тыле. А тыл им могли обеспечить лишь верхи. "Да" было достаточно, чтобы у них появилась «крыша». Они были счастливы настолько, насколько могли быть счастливы...

Поскольку Голубь мира был достаточно пожилым человеком, он мастерски славословил. А кашкалдак по неопытности и от алчности просто наглед. В телеинтервью лебезил перед своим благосклонным респондентом; интервьюируемым влиятельного депутата, не мог унять приступов лести и угодничества.

Может быть, и не хотел ничего унимать. Эти мысли еще больше отдаляли меня от реальной жизни, делали меня совершенно чужим... Я чувствовал, что бросаюсь головой в мираж... Лучше предвидеть конец с самого начала, чем сожалеть о начатом в конце. Несколько примитивно, для меня сейчас это являлось горькой истиной. Правда в редких случаях бывает сладкой....

Голубь мира стоял у обочины, прислонившись к автомобилю. Кажется, это был «Мерседес». Рядом стоял круглый генерал в очках. Писатель явно выглядел очень сытым. Они оба подождали, когда закончится поток машин, и стали справлять малую нужду прямо возле автомобиля. Во время этого процесса писатель сказал:

- Дадаш, вот таким, как он, сейчас Фортуна улыбается, - рассмеялся и кивком указал на меня. - Как-то я свернул с пути праведного, бес меня попутал, смотрю, слабенькие вороны и те вперед меня пролезли. Черное воронье.

Стол, стоявший посреди комнаты, был завален едой и напитками. Писатель, присев за стол, сразу же налил себе воды из стоящей на столе бутылки и выпил. После последнего глотка он сразу же начал говорить:

- Друг, знаешь, что я понял? Нужно меняться. Для того, чтобы добиться желаемого, человек должен заранее чувствовать изменения. Если он этого не чувствует, тогда, по меньшей мере, он должен быть настолько умным, чтобы потом суметь себя изменить.

У человека должна быть внешняя и внутренняя гармония, если ее нет, то все. У человека возникают стрессы. Ведь все хотят хорошо жить, разве не так, браток? Кто эти бессребреники, которые пришли к власти? Я вдруг увидел, что те, которые больше всех работали, горели ради свободы, остались в стороне, а когда они умирают, их даже хоронить

никто не приходит. Пока не поздно, изменись и ты. Самое страшное - лишь раз попасть в течение.

Писатель остановился, посмотрел на генерала, а генерал, в свою очередь, подмигнул официанту, и бокалы наполнились. Писатель взял бокал и продолжил:

- А кого я предал? Никого. Даже доноса ни на кого не написал. Просто изменился. За счет друзей, не так ли, браток. Пока ты молод, изменись, – повторил он и осушил только что налитый стакан. – За его здоровье. Дай Аллах ему здоровья. Правда, сейчас он нас не слышит. Однако, ничего, душой-то он с нами.

- Аминь, - поддержал его генерал. - Кто мы без него... - Писатель говорил о странных вещах, порой размахивая руками. Он вспоминал о массовых митингах на площади Азадлыг, о том, как людские массы шли на него, со страхом говорил и о том, как хотели спалить его сельский дом, порой, дыша мне в ухо, говорил:

- Да, браток, это было, это правда. Это другой человек.

Я тупел, мне даже было лень поднять руки. «Пей, пей!» - Писатель, взяв в руку стакан, смотрел на меня пьяными глазами, и мои глаза тоже закрывались, а уши наполнялись каким-то гулом. Мне казалось, будто я под водой, а воздух из моих легких медленно поднимался на поверхность воды.

Когда я открыл глаза, то оказался в своей кровати. Я пытался понять, когда пришел домой, явью или сном было то, что я недавно видел. Конечно же, сон. Но когда я увидел на столе сигареты «Муратти», то растерялся. Ведь мы с писателем курили эти сигареты, и эти сигареты сейчас на том же самом столе. В пачке остались всего две сигареты. Одну кто-то хотел выкурить. Она была зажжена, а затем смята.

Я был в какой-то пустоте. Возможности спрятаться в этой жизни от людей не было. Все упиралось в тупик ...

Некоторое время я ничего не делал. Перевернул газету, лежавшую на столе. Ничего интересного не нашел. Всё повторялось. Мой бывший тесть готовился в кандидаты. 10 лет всё одно и то же. Я заскучал. Захотелось навсегда уйти из этой жизни. Я взял телефон и позвонил. Трубку подняла девушка. Наверно, секретарша. Я представился.

- Подождите минутку, - сказала она. - В трубке звучала мелодия из Пятой симфонии Моцарта.

Наконец, человек-телефон поднял трубку.

- Что скажешь? - без всякого приветствия спросил он.
- Согласен, – сказал я.
- Прекрасно. Посылаю тебе первый «Транш». Думаю, пока хватит.

Если еще понадобится, скажешь, если вернешься с полными руками, то достигнешь желаемого. У тебя месяц срока. С завтрашнего дня время пойдет. Шофер вечером привезет деньги.

- У меня два условия, – сказал я.
- Какое условие? - спросил он.
- Ежедневно от меня присылайте моей жене букет цветов.
- Проблем нет. Говори о втором условии.
- До моего прихода верните Карабах.

Он засмеялся:

- Ты сам понимаешь, что это невозможно.
- Но вы же говорили, что невозможных вещей нет. Главное - об этом последовательно думать.

- Мы подумаем... На том конце трубки последовало молчание. Я почувствовал, что он вынул из левого кармана брюк платок и вытер свои усы и лоб, будто глазами увидел.

- Пока не забыл, скажу, что со мной пойдет друг.
- Друг? Мы на это не рассчитывали.
- Зато я рассчитывал.
- Ладно, идет, – сказал он, немного погодя.

Ровно через час черный «Мерседес» на улице издавал непрерывный сигнал. Я погладил рубашку, еще горячую напялил на себя и спустился вниз. Водитель с многозначительной улыбкой протянул мне конверт и убрался прочь. Вернувшись к себе, я бросил конверт на стол. Не хотелось что-то его открывать. Наверное, потому, что я знал содержимое.

16. Поэт-философ, Адам, Ева и изменчивая суть

Когда стемнело, я обзвонил нескольких знакомых и пригласил их на ужин в ресторанчик «Хары Бюльбюль». Мехти я решил не звать, боялся, что проговорится.

В эту ночь я заснул на столе. Говорят, что в общагу меня привели мои товарищи.

Я плохо помнил, что было в ресторане. Посмотрел в нагрудный карман пиджака, конверт был на месте. Мне стало жутко, когда я понял, что счет в ресторане оплатил кто-то другой.

Значит, все было на самом деле, и меня разбудил телефонный звонок. Трубку я не поднял, голова раскалывалась, опохмелиться, как назло, было нечем. Я решил спуститься и зайти в ближайшее кафе. В кафе звучали удручающие песенки. Кто-то заунывно пел: «Зимы стали снежные, а парни слишком нежные...»

Как всегда, я ругнулся... в адрес «пипла».

Унял свою головную боль 200 граммами водки и парой сосисок в придачу. В заведении давно не было ремонта, это было видно по рисункам на стенах кафе. Еле-еле был заметен силуэт русалки в море... Бородатый мужик, заметив мой интерес к росписям на стенах, стал говорить громче. Он говорил, глядя мне прямо в глаза, как будто, кроме меня, здесь никого не было.

Кто-то с места закричал: «Ну, давай, поэт, сообрази!» Кричащий обратил свой пьяный взор на бородача.

- Я не поэт, я философ, - обиженно буркнул бородач.
- А какая разница - поэт, философ!
- Разница в том, что... - помялся бородач, - для меня есть разница!
- Да не обращай на него внимания,- сказал бармен, успокаивая бородача.

Поэт-философ словно ждал толчка и двинул речь.

- Все дело в сути. Формы нет, форма - это показатель наших чувств. Например, водка, - продолжил поэт и налил себе еще, - кто может утверждать, что у водки есть форма, у нее изначально не было формы, только сущность. Вот так, - сказал он и опрокинул стакан себе в желудок. Мы меняемся после того, как выпьем. Алкоголь меняет нашу сущность, никак не форму. Именно поэтому мы вечером раскачиваемся, а утром ходим очень прямо. Некоторые думают, что поменялась форма, но это не так....

Поэт-философ выдержал паузу, затем продолжил:

- Все началось с сотворения мира. Сначала что было? Слово. Затем что? Вода. Бог сотворил Адама на суше, Еву - в воде. И послал им шайтана в качестве молы, то есть создал их с точки зрения формы. А сущность менялась со временем. Тут-то создалась совсем другая ситуация. Гармония сущности и формы, как гармония яви и сна. Кто

может понять, где кончается сон и начинается реальность? Никто. Потому что это знать невозможно!

Философ снова сделал паузу, чтобы определить воздействие на публику своих слов, окинул взором сидящих в кафе. Все внимательно слушали... И поэт вел себя как воин-победитель.

- Многие склонны думать, что из-за изменчивой сущности Адама и Еву смог искусить дьявол. Нееет... Ошибаетесь.

...Адама с Евой ввела в искушение сама их форма, то есть Господь создал их в такой форме, что совершение ими греха было неизбежностью. То есть грех был сущностью, а форма – необходимостью... – Поэт, прервав свою тираду, сопровождаемую жестикуляцией, подошел ко мне, вальяжно подсел на стул и, наклонившись, доверительно прошептал мне в ухо:

– Ты, приятель, похож на интеллигентного человека. Не придавай особого значения моим словам. Но что поделаешь, надо добывать на пропитание, и это – мой хлеб... – встал, вернулся на место и продолжил свои разглагольствования. – Все возвращается на круги своя... Человек метаболизируется из рыбы и должен вновь вернуться к рыбьей ипостаси...

Он молол чепуху, но я почему-то хотел дослушать его пустопорожние импровизации.

После очередных «откровений» он вновь вырос передо мной и подозвал официанта:

– Еще по сто.

Официант подал водку. Поэт, прежде чем налить по стаканам, вопрошающе взглянул на меня.

– Можно, – отозвался я.

Мы молча чокнулись и выпили. Он показал портрет на стене.

– Прекрасна, не так ли? – И, не дожидаясь ответа, сказал: – Я написал. Моя жена. – И, потупившись, уточнил: – Была...

– Да упокоит Аллах...

– Да проклянет Аллах – так будет вернее. Не покинула этот бранный мир. Ее шайтан попутал... Потому и день-деньской с утра до вечера хаханьки да хихоньки...

Я промолчал, собственно, и не знал, что надо что-то говорить.

– Ладно, потом расскажу, – он поднялся с места и продолжил общение с публикой.

Посетители кафе были под изрядным «шафе» и один за другим покидали заведение. Они, очевидно, уже наслушались откровений местного служителя муз и мыслителя и прекрасно знали, чем завершится его «лекция». У меня тоже слипались глаза. Но заинтриговали слова этого бородатого существа о жене.

– Она мне изменяла, – он вдруг снова очутился передо мной. С бороды капала вода. Рот разевался темной пещерой. – Мы очень любили друг друга. Из-за меня она сбежала из дому. Я тогда трудился на рыбокомбинате. Как новоиспеченный выпускник московского вуза, специалист по бихейвиоризму.

– По...? – не понял я.

Он повторил, но я опять же не усек. Он достал авторучку и написал на салфетке: *behavieur*.

– Поведенческая психология животных называется: бихейвиоризм. Мне выпали на долю «рыбы». Вам может показаться странным, но и у

рыб, представьте себе, своя психология. Я использовал специальные методы, получал определенные сигналы о разводимых в опытном хозяйстве рыб и передавал информацию шефу.

«Сигналы», – подумал я, пытаюсь что-то вспомнить, но не удалось.

– И зарабатывал неплохо. Но однажды меня арестовали... пришили дело. Дали десять лет. Я и сам не понял, за что. Мне вменили в вину, что якобы зомбирова́л рыб, и мои эксперименты представляют потенциальную угрозу для государства, что подобным же образом можем зомбировать и людей. Сидел три года, вышел на волю. – Он налил себе водки, выпил, утер рукой рот, а после промокнул ладонь об одежду. – Жена, мол, изменилась. Вот тогда я и понял, что сущность – штука изменчивая. Форма у нее была та же, содержание – другое. Она и смеялась по-другому, не как прежде, а как-то лукаво, по-дьявольски, визгливо. Мне показалось, что она мне изменяет. И как только я понял это, она исчезла. – После долгой паузы он продолжил: – Я чувствую бессмысленность формы и содержания. Будто вижу сон и не могу определить грань между явью и сном. Как же так получается – вчера был один человек, сегодня – совершенно другой... – Он вновь помолчал и, приблизив рот к моему уху, понизил голос: – А я знаю.

– ?...

– Знаю, где собака зарыта. Если хочешь, завтра расскажу. – И, выпрямившись на стуле, уставился на мою отупевшую от недоумения физиономию и расплылся в пьяной улыбке.

После этой фразы бармен, наблюдавший за нами, подошел и взял его под руку:

– Поэт, на сегодня хватит. – И вывел его из кафе.

Уже у выхода донеслось:

– Я не поэт, а философ!

Ко мне подошла официантка:

– Простите, вы ... – и назвала мое имя.

Я ответил кивком.

– Вас просят к телефону.

– Кто?

Она пожала плечами. Я подошел к стойке бара. Удивительно, но никаких-таких шатаний. Чувствовал себя легко. Взял трубку. Голос секретарши: «Минуточку». И затем такты из симфонии Моцарта.

Наконец, он соизволил взять трубку.

– Думаю, что ты не забыл, – сказал он сухо. – Рыбная ловля началась с восьми утра... Кроме того, не рекомендуется тебе якшаться со встречным-поперечным.

– Я не забыл, – слова будто выкатывались изо рта, кувыркаясь.

– Очень хорошо. Тогда начинай.

И отбой.

«Откуда он узнал, что я нахожусь здесь?» – подумал я. «Мы все знаем», – вспомнил я слова человека-телефона.

Вернулся к себе, завалился спать. Сейчас для меня не имело значения, потому за время, предоставленное мне, я не мог усвоить водолазное дело.

Проснулся под вечер. Хотел было освежиться, окатив голову водой из-под крана, но воды не было.

– Проклятье! – с досады так грохнул кулаком по стене, что висевшее зеркало слетело на пол и разбилось вдребезги. Это было не к добру.

Спустился на улицу. У кафе, вижу, масса народу. Подошел к одному посетителю, в чем дело, спрашиваю.

– Вчера поэт повесился, – и он вопрошающе воззрился на меня. – А, может, его повесили...

Я ретировался. Придя в редакцию, написал заявление главреду с просьбой об отпуске за свой счет сроком на месяц.

Теперь мне первым делом надо было связаться с обществом водолазов.

Странно, в таком большущем городе, кого ни спросишь, отвечали, что такого общества не существует. Наконец, через одного приятеля я познакомился с военным водолазом и наутро направился в военную часть, где он служил.

* * *

– Баку превратили в проходной двор, – громко проворчал старик, стоявший у контрольно-пропускного пункта. Нельзя было не почувствовать его желание быть услышанным. И я отозвался солидарно:

– Да уж, наша столица – из самых несуразных в мире...

Он достал сигарету «Астра», закурил.

– Тридцать лет курю эту отраву.

С моря дул холодный ветер.

Погодя к контрольно-пропускному пункту, пришел сын моего собеседника в военной форме. Дежурный папашу не пропустил.

– Положено после 1 часа, – сухо пояснил он. – Тебя я вызвал из уважения. По сути, сегодня не приемный день.

У солдата лицо было темноватого цвета, то ли от загара, то ли от запарки. Фигурка напоминала вопросительный знак, а мундир сидел на нем мешковато, будто дали навырост. Его черты повторяли отцовские. Они поздоровались молча, за руку, потом старик, словно спохватившись, порывисто прижал сына к груди, поцеловал, должно быть, исполняя желание жены.

Похоже, он принес сыну еду, и они, отойдя в сторонку, уселись под деревом.

Хотя дежурный оповестил начальство о моем прибытии, но прошло почти полчаса, а никто за мной не явился. Пришлось запастись терпением, кляня свою невостребованность.

Наконец, пришел солдат, посланный моим будущим собеседником.

Пока мы шли к адресату, выяснилось, что мой сопровождающий уже девять месяцев как на службе и всем доволен, во всяком случае, здесь лучше, чем на «гражданке»: вовремя кормят, обеспечивают обмундированием и так далее.

Поднимаясь по скрипучим деревянным ступеням, я пытался понять тягу людей к военной службе; ответ я уяснил позднее.

– Военная служба вечная, – сказал армейский водолаз. – Ибо война – явление вечное.

Признаться, ответ удовлетворил меня. Но я пришел не для выяснения долговечности воинского дела и потому не стал продолжать разговор на эту тему.

– Странно, мы уже столько времени общаемся, а имен друг друга не знаем, – заметил он после того, как мы спустились в каюту.

Я представился. Он протянул руку:

– Рамиз.

Он показал мне два комплекта водолазной экипировки. Один из них я видел, когда три месяца поработал в соответствующем качестве. Но на самом деле ни разу не облачался в этот костюм. Просто три месяца числился в списке работников морской спасательной службы.

Я облачился в костюм, именуемый водолазами «мокрым», надел «зубник», очки, навьючил на спину двадцатипятикилограммовый баллон, опоясался семикилограммовым поясом.

Как сказывается в сказках наших, «снизу облачился, сверху заключился».

Все это показалось мне потешным. Вспомнились фильмы Жака Кусто.

– Только никакое погружение, – заметил Рамиз. – С этим можно спуститься лишь на глубину 45-60 метров. А вот с этим, - он показал на другой скафандр, – можно дойти до 300 метров, вес снаряжения – 96 килограммов.

Снимая экипировку, я сказал:

– Нет... этого костюма достаточно, – и проделал несколько раз эту операцию, освоив, как надо дышать в скафандре. Затем мы вышли из

каюты, и, покидая воинскую часть, я поинтересовался, в какой части акватории водится наиболее ценная рыба.

– Идите к Наргину, не прогадаете, – затем, пожав плечами, добавил: – Но чтоб поймать рыбу, вовсе не обязательно спускаться в воду...

Я кивнул и через силу улыбнулся.

Всего несколько часов, и я, считай, уже водолаз. Я исправил ошибку, совершенную лет десять назад.

Мне стало смешно на самого себя. Но это настроение вскоре улетучилось. Едва вошел в кабинет, как зазвонил телефон.

– Планы изменились, – сообщил человек-телефон. – Ты должен разыскать его за пару недель. Причем двигайся не в сторону Наргина, а в противоположном направлении. До 65-го километра. Там, куда придешь, есть все.

Я, ни слова не говоря, повесил трубку одновременно с ним.

17. О чем напоминает пустой флакон «Сальвадора Дали»

Вечером я упаковал вещи в дорогу. Доставая из гардероба пляжную одежду, я ненароком задел и уронил на пол флакон парфюма «Сальвадор Дали», подаренный мною Севиндж в первую ночь после свадьбы. Как знак любви. Черный флакон в форме женских губ видели многие, потому в описании нет необходимости. Хотя флакон был пуст, но знакомый и запомнившийся на всю жизнь аромат пробудил в душе рой чувств. Защемило сердце. После расставания с Севиндж я ни разу не отправлялся на пляж, и потому пустой флакон оставался незамеченным в недрах

шкафа, и я не знал, каким образом он очутился здесь. Может быть, Севиндж нарочно оставила флакон среди моего белья, чтобы напоминать о себе. По правде говоря, она достигла цели. И это было мне приятно, ведь я и сам хотел взять из ее гардероба что-нибудь себе на память, но не успел. И до сих пор сожалел об этом. Завернув флакон в свой пляжный экип, вложил в саквояж. В самой процедуре был некий интим. Взял еще смену белья, жакет, и все. А тетрадку, забытую соседкой, вложил в кармашек саквояжа.

Наутро, выходя из квартиры, постоял у дверей, поглядел на свое жилье. Как-никак, несколько месяцев жизни я провел здесь. Казалось, я что-то запамятовал. У меня всегда так. Когда надолго отлучаюсь из дома, навожу порядок в квартире и, если что-то не на месте, исправляю положение. Вот и сейчас. Все вроде на своем месте. А на душе кошки скребут. Такое предчувствие, что больше сюда не вернусь. Так, во всяком случае, казалось. Вспомнил соседскую девчурку, маленьких котят, с которыми она игралась, ее маму, и засвербело сердце. Ведь за время своего проживания здесь я только с ними и виделся, знался, общался и, если можно так сказать, сроднился. А теперь я все покидаю, и их, и единственного «заочного» товарища, как бы он ни опостылел мне, — телефон...

* * *

Как и договорились, с Мехти мы встретились у Баксовета и, сев в желтое такси фирмы «Тофаш», поехали к 65-му километру.

День выдался погожий, мягкий, только изредка порывы норда напоминали, что зима еще не сдала права. Воздух в такое время года напоминает стариков, которые все еще не могут избавиться от зимней остуды.

На Баилове, остановившись, по настоянию моего друга, мы купили «клетку» водки «Русский размер». Денег у нас было навалом, как никогда прежде.

На 65-м километре трассы Баку-Аляты мы свернули налево, и после асфальтового полотна началась грунтовая дорога. Примерно в километре от берега моря такси остановилось, – дорога здесь кончалась. Отпустив такси, мы пешком двинулись к берегу. Когда-то я бывал в этих местах. Казалось, я проживал вторую жизнь. Все окрест окутало туманом. Земля сама будто дымилась. У берега, проступая сквозь туман, нас ждала моторная лодка. Мы не сразу заметили ее владельца. Съездившись в телогрейке, он жался в углу лодки. При виде нас вскочил. Он смахивал на пирата; на лице виднелся шрам. Я же уподобил его охраннику ресторана, куда мы ходили с писателем, которого нарекли Голубем мира; впрочем, сошел бы он и за официанта. Об этом не стоило долго ломать голову. Пропахший рыбой лодочник скупно ответил на приветствие. Мы осторожно сели в лодку, правда, Мехти чуть было не бултыхнулся в воду, но «флибустьер» успел подхватить его. Не спрашивая, куда держим путь, он завел двигатель. Лодка рванулась в море, выписывая восьмерку. Через 50-60 метров выровнялась. Брызги распарывающейся воды обдавали наши лица, и эта романтическая картина доставляла

удовольствие. Но вскоре романтический раж истаял, и меня стала давить печаль, как густой туман.

Плыли морем часа полтора.

Берега уже не видать. Все объяла вода, и казалось, что здесь-то и находится край света. Сейчас мы были пустой субстанцией в необъятной стихии, подобно щепке. Неслись в утлой посудине, которой, наверняка, не выдержать было одного приличного наката волны. Мой разум не мог до конца постичь эту безбрежность, наша сущность, растворяясь в этом необъятном море, отделившись от нашей плоти, бесследно исчезала в пучине. Над нами летали чайки, и мне тоскливо мечталось стать чайкой и вернуться на берег.

Наконец, вдали показалась какая-то постройка на сваях.

– Приехали! – наш лодочник стал причаливать лодку к сваям строения и зашелся долгим кашлем. Сгрузив наш багаж, «флибустьер» крикнул на прощание:

– Если что понадобится, дайте знать!

И, развернув посудину, исчез из виду за считанные минуты.

Я не успел даже спросить у него, откуда он знает эти места.

18. «Статуя Свободы» или как исчез мой друг

Теперь мы были обитателями жилища, стоявшего одиноким островком в открытом море. Дом годился для долгого пребывания. Я обошел комнаты, кухню. Шкафы были набиты до отказа непортящимися продуктами. Была даже установка для опреснения морской воды.

Казалось, кто-то соорудил это все для долговременного обитания или же скрытия от преследования.

Дом, опоясанный по всему периметру балконом, выглядел как комфортный коттедж. И, вероятно, здесь проводил лето человек-аквариум. Мой друг не мог нарадоваться.

– Великолепно! Мне и присниться не могло такое! – Мехти потянулся и, шлепнув меня по спине, подбодрил: – Не вешай носа! Все образуется!

Затем, открыв бутылку пива «Эфес», осушил ее. Достал из шкафа «шпроты», банку солений, нарезал хлеб, сел за столик на балконе и принялся со вкусом ужинать. В ход пошла водка из наших припасов; пропустив залпом граненый стакан, стал похлопывать себя по груди, как горилла.

Я прошелся по комнатам. На стене были закреплены телефон, радиоприемник. Механически стал шарить в эфире, но ничего путного не выискал; приемник напоминал пустой ящик, иногда исторгающий хриплые шумы.

Откуда-то появился вертолет, покружил над платформой и смылся.

В одной из комнат был электрогенератор, там же – компрессор, несколько видов водолазной экипировки и оборудования.

Я вернулся к Мехти, выпил пива. Мой друг был в радужном настроении. Встал, потянулся.

– Живут же люди!

Он закурил сигарету. Заметив пачку «Муратти», я растерянно уставился на друга.

– Чего тарачишься? – смешался он. Поигрывая пачкой, объяснил: – Перед поездкой повстречал Мехбалу, «оприходовал» у него, у меня свое курево кончилось.

Я ощущал себя в ирреальном мире; все, предстающее глазам, казалось зыбким видением, иллюзией. Но морской воздух, пропахший нефтью, говорил о реальности происходящего. В памяти всплывали приключенческие фильмы, серии о Джеймсе Бонде; проснулись грезы о романтических героях, которых некогда восторженно лицезрел на экране, лежа в теплой постели; и теперь контакт с ними казался не таким уж несбыточным...

Воздух был влажен, и только сейчас я почувствовал холодящее промозглое дыхание моря.

А мой друг и в ус не дул, расстегнув воротник рубашки, потягивал пиво, время от времени поднимая банку «в мою честь» и виртуально сталкивая ее с моим равнодушным взглядом. Мое внимание было поглощено безбрежностью моря. Меня одолевала дрема, и передо мной проступали видения серых холмов.

Снизу доносился плеск волн, бьющих о сваи, в паузах слышалось тиканье ходиков из комнаты, которые, казалось, отмеривали не время, а интервалы моего дыхания и ударов сердца.

Мерный ритмичный шум моря уносил меня куда-то далеко, в незнакомые края, где жили неведомые люди. И я двигался по поверхности моря, будто скользил, но, сколько ни длилось движение, кромка берега впереди ничуть не приближалась, а уходила все дальше, и мой друг с пивной банкой в руке взирал на меня, возвышаясь, как статуя

Свободы; но, несмотря на мое движение, расстояние между нами не возрастало, и я оставался на месте... Моя мать с ведром речной воды возвращалась со стороны Аракса, входила во двор; я топтал навстречу и просился на руки – молочка хотел, а отец, глядя на нас, улыбался. В свете солнца русалка расчесывала волосы; Севиндж, стоя у окна, смотрела в сторону своего дома... Бородатый мыслитель-поэт, обдавая перегаром, дышал мне в ухо: «Я все знаю...» и говорил то, чего не успел сказать тогда, и я радовался тому, что он жив. Хотя ничего не мог запомнить из его откровений, а он с пьяной усмешкой взирал на меня...

По воде плыла деревянная кроватка, из которой на меня глазела младшая сестренка, елозя маленькими ручонками, пыталась что-то мне растолковать, а может, звала на помощь; кроватка соседки по общежитию то погружалась в воду, то выныривала...

В этой фантазмагории я увидел Рену, которая, разлегшись на кровати и закинув ногу на ногу так, что белели округлые бедра, болтала по телефону, расплывшись в томной улыбке...

...Мама с красной косынкой на голове качала пустую колыбельку, напевая колыбельную песню, – колыбелька была моя... Еще какая-то женщина... жуть... распростертая... с застывшими глазами... на шее синяки... левая грудь выскочила из-под сарафана, и темная кровь, как густой кизилковый сок, стекающая из-под сердца...

Вдруг будто кто-то ударил меня по затылку. Я вскочил. Кругом тьма. Ни души. Только плеск ударяющихся о бетонированные сваи волн...

Некоторое время я пытался определить, где я нахожусь. Ощущение пустоты и беспомощности. Я был в положении пастуха, забывшегося сном в глухом ущелье, чье стадо оказалось добычей волков. Встал. Нащупал зажигалку на столе, зажег. Где-то тут должна быть свеча. Я заметил ее, обходя комнаты морского пристанища. Впотьмах споткнулся, еле устоял на ногах. Посветил зажигалкой: препятствием оказались туфли моего друга.

Свечу нашел – на кухне. И, затеплив ее, обошел помещения. Мехти нет. Как в воду канул. Меня охватила оторопь. Впервые я испугался собственного одиночества. Я один в безбрежном море.

В детстве меня пугал ночной Аракс, протекавший недалеко от нашего дома. Пугал темной таинственной силой. И этот страх пробудился сейчас во мне и точил мое существо, как злокачественная опухоль.

Я вздрогнул от зазвонившего телефона. Мороз пробежал по коже. Я тупо уставился на аппарат. Кто это, откуда? Машинально снял трубку. В паузе услышал потрескивание зажигалки. И донесся голос:

– Он тебе мешал. Потому должен был вернуться назад...– Пауза. – Кроме того, его и не было в плане с самого начала, – сухо сообщил голос и – отбой.

В трубке короткие гудки. Я шарахнул ее на рычажки. Хотелось оторвать телефон и швырнуть в море. Но что-то удержало меня. Прилег, пытался придать мыслям какую-то упорядоченность. Сон не шел. Встал, потянулся к бутылке водки, выпитой наполовину. Выпил залпом и свалился в постель. Под утро приснилось видение. Я бегу вдоль берега

Аракса с удилицем, а в воде несется вниз по течению большая рыба с крючком в пасти и тащит. Я не успеваю за ней...

Открыл глаза. Муторно. Никакого желания поест. Взял банку «Эфеса», выдул полбанки. От горьковато-кислого привкуса запершило в горле, затошнило. Чтоб как-то развеяться, стал прогуливаться по балкону.

Я заметил трос, прикрепленный к свае и уходящий под воду. Пошел в подсобку, взял легкий аквалангистский костюм, баллон, счетчик на нем показывал 25 атмосфер. Надел ласты, похожие на гусиные лапки. Облачился. Хотел взглянуть на себя в зеркало. Но такого обычного предмета не нашел. Опорожнив свою сумку, вложил в нее несколько банок пива, фонарик, висевший на сете, привязал сумку к поясу.

Не решился прыгнуть в воду спиной вниз, потому сперва свесил ноги в воду, держась за трос, стал соскальзывать в глубину. Поначалу холод пробрал. Но потом это ощущение прошло.

Вода приобретала розоватый оттенок, и это показалось странным. Затем, по мере погружения, вода посерела, стала зеленоватой, густо-синей, и, наконец, толща воды стала непроницаемо-черной. Будто он спускался в темную прорву.

Включить фонарь почему-то не приходило в голову. Я хотел на ощупь добраться до конца троса. Любопытство брало верх над страхом. Надо было играть до конца, и я принял вызов.

Не знаю, насколько глубоко я погрузился. Можно было с этим снаряжением спуститься до 60 метров глубины.

Включил фонарь. После изрядного перехода увидел внизу устройство, похожее на резервуар. Оттуда исходил свет. Это было нечто вроде водолазного колокола на сваях. На днище был раструб, замкнутый люком. Вход? Луч фонаря выхватил на поверхности ручку. Я повернул ее не без труда. Люк раскрылся, вовлекая меня в раструб, закрылся за мной. Я очутился в шлюзе с водой и увидел перед собой новый люк. Пройдя через него таким же образом, преодолел несколько камер, пока морская вода не исчезла совсем. Наконец, я очутился в подводном помещении, похожем на каюту с иллюминаторами. Кругом море. Возможно, это было любимое пристанище человека-аквариума. Иногда перед иллюминатором проплывали неведомые мне обитатели Каспия. Однажды я, купаясь в море, столкнулся с тюленем и в тот же день с перепугу больше не входил в воду.

Здесь же взору представали рыбы и водоросли. Вполне безобидный пейзаж. Я даже обрадовался – все же не совсем одинок, если есть вокруг какие-то живые твари.

В помещении было душновато. Чувствовалось чье-то недавнее присутствие. Но кто? Первое, что пришло на ум: человек, о котором рассказала беженка в общежитии. Я ведь видел своими глазами человека-Аквариума. Но сюда мог бы частенько наведываться и человек-телефон...

Я был в положении мухи, попавшей внутрь огромного шара, и меня со всех сторон опутывала паутина неотвязных мыслей. Кто же я есть? Искал аналогии в сказочных фантазиях, перебирал в памяти героев книг и фильмов, попадавших в трудные ситуации, надеясь на спасительную

подсказку пути выхода. Увы... Скорпион, попав в осаду сильных врагов.... Но я не желал кончать жизнь самоубийством. Мне все еще было интересно узнать финал этой загадочной игры.

Вот тогда-то я вспомнил рассказ о гусенице шелкопряда. Я хотел стать ею. Верил, что вынужден стать.

19. Сказка о гусенице шелкопряда

Итак, я гусеница. Не знаю, откуда появилась, куда иду. Некогда я была крохой. Люди, чьих лиц я не видела и не могла видеть, стали подкармливать меня. Я хоть и не видела их, но была благодарна им - выращивали меня. Я никогда не думала о последствиях, росла себе и росла. Чувствовала, что нечто во мне накапливается, и настало время, когда мне пришлось тянуть из себя жилы, выпрастывать, выжимать все силы, все соки, пуская в ход все умение, сноровку, талант, если хотите... Стала окутывать себя оболочкой, пользуясь собственной слюной, и... через считанные дни пришлось мне расстаться с белым светом, хотя и нет у меня глаз, но память-то есть, и я помнила цвета светлого мира, многоцветную гамму его... Но я оказалась запертой в доме, созданном самой же, затосковала. Даже ножки растянуть негде, темница просто. Стала петь печальные песни о свете белом, бывало, слезами заливалась.

Надо было во что бы то ни стало вырваться из этого склепа.. Для этого надо было преобразиться... перевоплотиться... Но что я могла? Только предаваться воспоминаниям о жизни, дремлющей в генах моих. Знала, что есть нечто и поинтереснее той жизни, а как подумаешь о

неизбежном исходе, так и вовсе не хочешь выбираться из добровольного, в общем, заточения. Но меня звали. Те силы не оставляли меня в покое. И я стала рушить дом, который сама же построила, кромсать, разрывать стены стала. И вырвалась к свету! Я уже видела свет. Он оглушил меня яркостью, обилием. Я задыхалась в стихии света, металась, пыталась взлететь. Некоторое время боролась с открывшейся мне пустотой и в итоге победила. Это была победа над собой. Однажды, когда меня обласкал утренний ветер, я увидела, что у меня отросли хрупкие крылышки, и вспорхнула, полетела. Но ветер мешал мне и нес туда, куда хотел. Я спала на лету; питалась пыльцой цветов, наедалась, тучнела, и мне все больше хотелось жить. Но пришла пора, и я снова превратилась в гусеницу, и снова стала незрячей. Никого, ничего не вижу. Есть глаза, а не вижу. А не видишь – считай, слепой. Крылышки были даны мне временно, как бы в долг. И когда-то надлежало вернуть их владельцу...

А пчелы медоносные летают на лужайках цветущих, собирают нектар, как-то ухитрившись отвлечь внимание и цветов, и соловьев. Я завтракала пчелами. Я тоже ведь могла стать одной из них. Но я всего-навсего гусеница шелкопряда.

* * *

– Я боялся. – Писатель, прищурившись, уставился на меня, придав лицу испуганно-серьезное выражение. Он в этом положении был похож на артиста. – Я боялся хаоса. Вот этот... – он показал кивком головы вверх, – странный человек. Он управляет всем.

– А бек? – спросил я.

– Бек – другой человек. Бек – дервиш... – Он рассмеялся. – Сперва я думал, что он кэгэбэшник, подруливает ко мне, чтобы выудить что-то, но однажды в селе, на ночь глядя, нам приспичило под настроение искупаться в реке. Вдруг бек говорит, мол, хочет возгласить азан¹. Я опешил и понял: никакой он не кэгэбэшник, а наш правоверный собрат.

После этих слов у писателя словно гора с плеч свалилась.

– Они совершенно разные люди. Этот же – ужас. Этот – отец политики, Геродот политики.

– Какой политики? – я захлопал глазами.

– Не имеет значения, – отозвался мой собеседник, осушил рюмку и добавил: – Это его политика, и народ его любит. Вот такие дела, брат.

* * *

...Я смотрел сквозь иллюминатор на море. Море не имело цвета.

Сравнения всякие лезли в голову. Я мнил себя капитаном судна, потерпевшего крушение. Или вспоминал Робинзона Крузо.

Выход, наверняка, был.

Я ощущал чье-то дыхание.

Я не был одинок даже в своих размышлениях. Кто-то был возле меня. И я должен был увидеть их. Но... должен же быть ключ и от этой комнаты. Неожиданно я обнаружил этот ключ. Извлек из сумки тетрадь, забытую и оставленную девушкой-беженкой. Тетрадь испещрена знаками, похоже, созвездия.

¹ Азан – призыв к молитве у мусульман.

В них-то и содержался ключ.

Я стал вырывать листки и выпускать их на воду. Я надеялся увидеть ее...

20. «Лилия» пахнет женщиной

Сколько времени я пробыл здесь, не знаю. Мне казалось, что между наземным и подводным временем есть большая разница, как между земным и лунным, или звездным...

Звонок, подвешенный на стене, вдруг зазвенел. Наверху кто-то был. Первое чувство – радость. Может, друг мой вернулся.

Как учил меня Рамиз, я стал медленно подниматься вверх, держась за трос.

Когда я перевалил за перила и ступил на балкон, почувствовал живой запах. Это был запах женщины. Даже морской воздух не мог помешать уловить этот запах. Запах женского тела – из тех, что мужчине не забыть никогда.

Я не ошибся в догадке. Девушка, вышедшая из комнаты, была как луч в темноте. Она улыбалась. Короткие желтые волосы, белая шея, круглый носик, большие губы. В голубом халате. Я ее где-то видел, но не мог точно припомнить.

– Растерялся? – сказала она фамильярно, будто мы были знакомы сто лет. - Меня послали в подарок тебе.

С пивом в руке подошла к стулу, села.

Я остолбенел от недоумения.

– Подойди же ближе. Что стал, как вкопанный? Женщины, что ли, не видел?

И звонко рассмеялась.

Я подошел и присел рядом с ней. Встала, принесла пиво и мне. Закурила сигарету – «Муратти». На зажигалке, которую положила на стол, выгравирована рыба.

Молчим. Я все пытался вспомнить, где видел ее, но тщетно. Словно кто-то знакомый, проступив из тумана, шел ко мне, а я не мог различить черты лица.

Встала, прошла тихо в комнату и истаяла в проеме двери.

– Иди же сюда, – донесся после паузы ее голос.

Я вошел в комнату. Она сидела на кровати. Из-под халата выглядывало белое бедро. Ни дать, ни взять, нимфа. Я почти уверился в этой иллюзии.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– У меня нет имени. – И смех.

– Как так?

– У нас не бывает имен. Только клички. – И протянула лебяжьей руку. Лилия.

– Я видел тебя во сне... Ты плыла в кровати на воде...

– В кровати? – Удивление. Смех.

– Не смейся! – я невольно сорвался на крик.

Она умолкла, закурила, выдохнула дым к потолку. Взяла кусок бумаги с тумбочки, свернула в воронку и стряхнула пепел.

– Ну, что теперь нам делать?

Я пожал плечами. И сказал:

– Расскажи о себе.

– О чем? – Пожала плечами. Затянулась сигаретным дымом и, после некоторой паузы, пообещала: – Потом.

Я не отставал.

Она легла на кровать, обнажив белые тугие груди.

– Я – никто. У таких, как мы, не бывает своей жизни. Мы живем чужой жизнью, вернее, вынуждены жить той жизнью, которая угодна другим...

– Любопытно. Как же можно жить чужой жизнью?

Помолчала. Встала, погасила сигарету, снова легла, заложив белые нежные руки под голову. Уставилась в потолок, потом перевела взгляд на меня.

– Разве ты живешь своей жизнью?

– Не знаю, – я пожал плечами.

– Много будешь знать, рано состаришься.

– И все же, мне интересно, – настаивал я.

– Ничто не зависит от нас, но нам кажется, что мы сами решаем свою судьбу... Я не люблю распространяться о себе никому. Но почему - то мне кажется, что тебе можно. Ты не похож на других.

Над нами с грохотом пролетел самолет. Когда гул истаял в небе, она продолжила:

– Детство у меня прошло прекрасно. Папа был директором завода. Сызмала я ни в чем не нуждалась. Все началось после окончания школы, когда мы приехали в Баку. Молодость любит славу. И я рвалась к

известности. Отцовской славы мне было мало... Тогда на втором курсе медуниверситета мне на глаза попало объявление в газете. Знаменитое агентство проводило конкурс моделей. Два испытания прошла успешно. Несмотря на возражения отца, я бросила вуз. На первом официальном смотре моделей познакомилась с будущим мужем. Работал он в научно-исследовательском институте, занимался и живописью, у него набралась даже целая серия моих портретов...

Мы любили друг друга. Он вообще чуть не боготворил меня. Однажды я пришла к нему в институт. Обычно он заходил за мной. Но на сей раз почему-то решила зайти к нему я. Мы только что поженились, и мне было интересно все, что было связано с моим мужем. Он занимался изучением психологии рыб особого вида. И порой приходилось ему работать ночь напролет. А мне об этом ничего не говорил. Когда я находилась в его рабочей лаборатории, вошел какой-то высокий пожилой мужчина и, улыбнувшись мне холодными глазами, молча вышел. Спустя несколько дней мне доставили большой букет роз. Привратник сказал: от незнакомого мужчины. Это повторялось изо дня в день. Я отказывалась принимать цветы и велела привратнику узнать, кто этот даритель. Но букеты каждый раз приносил новый человек, и посыльные не отвечали ни на какие вопросы. Признаться, игра в прятки меня заинтриговала. Если какая-то женщина скажет, что не любит букет цветов и ее не интересуют таинственные вещи, то это ни что иное, как лицемерие и ложь.

Однажды мне позвонил сам анонимный даритель. Я почувствовала это по звонку. Он сказал, что знакомы, и предложил встретиться в

ресторане «Волчьи ворота». Разумеется, мужу об этом я ничего не говорила. Полагала, что это лишь занятное и преходящее приключение, и хотела когда-нибудь позабавить и удивить его этой историей. После долгих колебаний я дала согласие встретиться с незнакомцем.

Едва вошла в ресторан, как меня сопроводили в отдельный кабинет. Он сидел спиной к дверям. В стороне – стол, уставленный всевозможными яствами и напитками.

– Шеф, – обратился мой сопровождающий к нему. – Вот и она. – И вышел.

«Шеф» повернулся, и мы встретились глазами. Это был он. Начальник моего мужа. Узнав его, я моментально вышла из кабинета, покинула ресторан и устремилась прочь. Никто мне не препятствовал.

Наутро – снова звонок: «Нехорошо вышло. Надо думать о наших близких». И повесил трубку. Через несколько дней отца моего сняли с работы. А мужа... мужа арестовали и уперли за решетку. Они охотились за мной. И устраняли с пути все, что могло помешать им достичь цели. Наконец, и мне пришлось расстаться с работой. Нигде не могла устроиться: не принимали. Это было ужасно. Дошло до того, что меня шантажировали, мол, прикончат в тюрьме мужа...

Они добились своего. Несколько раз я пыталась свести счеты с жизнью. Однажды даже нарочно опрокинула взятую напрокат машину бывшей сослуживицы. Вышла из больницы, никто не трогал меня, не преследовал за аварию. Наконец, мне пришлось сдаться судьбе. Стала секретаршей того человека, которого звали шефом. С условием, чтоб выпустили из тюрьмы мужа. И он вышел на волю.

Лилия выдержала долгую паузу. Закурила вновь, сделала глубокую затяжку и выдохнула с дымом:

– Он часами глазел на меня.

– Кто?

– Шеф... Обнимая меня, шептал: «Моя жизнь... Кто я без тебя...»

Да, он жил и дышал мною. И я это знала. Но жизнь постепенно угасала в нем и теплилась, только когда он был со мной... – Она погасила сигарету. Вздохнула с горечью. – Муж мой вышел из тюрьмы. Он был свободен, и мы хотели любить эту свободу. И нам казалось, что переживем еще более прекрасные дни, чем раньше. Ведь встреча после долгой разлуки сладостна. Но это была иллюзия, мираж. Я стала другим человеком. Я боялась даже взглянуть в глаза мужу, хотела выложить ему все. Но боялась, что он не поймет меня. Наверно, вам понятно, как мучительно трудно признаться в таком любящему тебя человеку?

Я согласно кивнул головой.

– Однажды он поинтересовался, почему я сменила место работы. Я сказала, что сделала это во имя нашего дела. Но ответ не удовлетворил его. Я не могла дать ответ, который бы устроил его, потому ревела, не могла успокоиться. Потом отчаяние сменялось приступами дикого смеха. Как сумасшедшая. Дошло до того, что он избил меня. И я сбежала из дому. Навсегда... А сюда явилась просто так... Может быть... Нет, я не хочу кому-то мстить... – Она помолчала. Потом доверительно-тихо, будто открывала тайну: – Я говорила с вами по телефону. Мне кажется, у нас сходные судьбы.

Она поднялась и стала медленно развязывать пояс халата, как ленточку на подарочном комплекте. Пояс упал на пол и изогнулся, как змея, задавленная машиной. Показалась ночнушка в черно-белую полоску... Я не помню, как заключил ее в объятия и в душе поклялся, что впредь ее не отпущу...

Она плакала. Я чувствовал, как ее слезы касались моей кожи. Что может быть волнительнее и приятнее прикосновения женских слез?! Вот так же я мгновенно втрескался в Севиндж на банкете в отеле «Хаят рейдженс». Тогда, кажется, в Баку прибыл Тур Хейердал, и банкет устроили в его честь. А может быть, великий норвежец в это время угасал у себя на родине, в кругу близких. Запомнил.

Мой художник-философ был похож на знаменитого путешественника. Мне показалось, что его отравили в той самой гостинице.

Я забылся под чарами женского тела, желая себе приятных сновидений. Когда проснулся, ее не было, но запах ее тела еще витал в комнате, а затем постепенно улетучился вместе с морским воздухом, отдающим запахом нефти.

* * *

Теперь, сидя на кровати, я почувствовал приближение шквальной волны.

Я поспешил вниз, облачился в костюм аквалангиста и, ориентируясь по тросу, добрался до подводной стоянки.

Войдя в помещение, почувствовал изменение в воздухе. Кто-то до меня побывал здесь. На столе – стопка влажных листков. Кто-то неведомым образом собрал брошенные в море страницы тетрадки и вернул их в комнату. Я, кажется, установил контакт. Возликовал. Сижу, жду. Он должен был явиться.

Впервые за последнюю неделю я закурил сигарету. Она лежала рядом с зажигалкой, на которой было изображение рыбы. Я не удивился: все казалось мне знакомым.

До слуха моего донесся шум подводного течения, в иллюминаторе замелькали стаи рыб, подхваченные течением.

Я ждал. Наконец, он явился...

21. Человек-рыба

Сперва донеслись приближающиеся звуковые волны. Потом заскрежетало во входном люке. Погодя открылась последняя перегородка, и он вошел, волоча ноги, похожие на рыбий хвост. Отряхнулся. Примостился на стуле. На нем было чешуйчатое одеяние. Блестящие глаза сквозь эту «кольчугу» казались глубокими. Взял сигарету, закурил, выпуская дым изо рта и ноздрей.

– Я забыл прихватить сигареты, потому вернулся.

Я не поверил этой отговорке. Я промолчал, выжидая, когда он сам перейдет к делу.

Дышал тяжело и часто, вращая сигарету в клещевидных пальцах.

Потом извлек из кармана портативный приемник, покрутил. Донеслась песня «Севдим» Айгюн Кязимовой.

– Наверное, ты удивился? – он показал на транзистор. – Я прихожу сюда, чтобы послушать радио. Только здесь принимает. Причем с помощью специальной антенны.

– «В районе станции метро «Гянджлик» обнаружено тело неизвестной женщины лет 22-23 со следами насильственного воздействия, – радио передавало криминальную хронику. – В сумке погибшей обнаружена лилия. По предварительному заключению следствия, этот цветок может послужить ключом к разгадке преступления...»

Я оторопел, уставившись на человека-рыбу. А он как ни в чем не бывало продолжал дымить сигаретой, похоже, забавляясь причудливыми витками дыма в воздухе.

– Зря она пришла сюда! – неожиданно выпалил он. – Так не мстят. И вообще, жажда мести – удел слабых.

– Но у нее не было никакой вины.

– Не нам судить об этом. Людей непогрешимых нет.

– Кому же судить? Не вам ли? – я позволил себе иронический выпад.

Не придав колкости значения, он уставился в темную прорву моря за стеклом иллюминатора.

– Все рассудит время, – произнес он, не оборачиваясь.

Я же вспоминал Лилию... ее белую лебединую шею, ее крылатые легкие руки, трепетание белых тугих грудей под моими руками... У всех

женщин, любивших меня, жизнь обрывалась роковым, непостижимым образом.

Одна Севиндж оставалась на свете, и теперь я боялся потерять ее...

– Что там у вас нового, в тамошних краях? – бесстрастным тоном спросил человек-рыба.

– Все по-старому...

– Вернули вы Карабах?

– А причем тут Карабах?

– Притом. Разве все не оттуда началось? – Он потушил сигарету, достав пепельницу из кармана. – Нельзя пепел бросать в море. Это нам запрещено.

Я не ответил.

– Видел, какие сны посещают теперь? – спросил он, приблизив голову к моему уху.

Я пожал плечами. Сказал:

– Сны – дело темное. Мало ли что может присниться...

– А N.N. опять пишет драмы? – сказал он. – Ха-Ха-Ха. Старик гарцует на Пегасе...

На сей раз рассмеялся и я.

– А как у тебя сложилось с «Голубем мира» и «Кашкалдаком». Научился у них чему-нибудь?

– Кажется.

– А я – нет. Недосуг было учиться, – он спрятал серебряную пепельницу, вдавив в нее окурок.

– Я должен увидеть ее, – сказал я.

– Ее никто не может увидеть. Эта рыба – невидимка.

– А эти значки? – я показал листки тетрадки.

– Знаки еще ни о чем не говорят. Твои ожидания напрасны.

Человека, посвященного в эти знаки, уже нет на свете. К тому же, эти знаки приносят только несчастья. Забудь о них.

– Значит, все кончено.

– Не-е-ет! – возразил он. – Все начинается сызнова. Вы проводите митинги, кого-то возносите на руках к власти. Все получают свое, кроме вас.

– Все – то есть кто?

– Те, кто всегда на плаву.

– Кто именно?

– Если перечислять – голова заболит. Они и без того сами знают. Продажные газетные редакторы, политические хамелеоны, политологи, меняющие маски, словом, временщики... Есть поговорка, слышал? Г... в воде не тонет.

– А как же борьба? Идеалы? Противоборство добра и зла?

– Добро... - выдумка бедных и слабых... Всегда верх берет зло, ибо миром правят они. – После паузы он неожиданно спросил, понизив голос:

– Ты знаешь, какого цвета родина?

– Родина? – недоуменно переспросил я.

– Да. Родина.

– Но причем тут цвет?

– Очень даже причем.

– А ты знаешь?

– Нет. Этого никто не знает. Сейчас все дальтоники.

Человек-рыба после этих слов как будто почувствовал облегчение.

Испытующе уставился на меня:

– Разве ты до сих пор не уразумел? Помнишь сказку о Джыртдане?

Я пожал плечами.

– Нельзя идти на заманчивый свет. Там, где свет, всегда оказывается див-чудовище.

– Выходит, все – обман, иллюзия. И нет пути назад?

– Был бы – я бы давно... нет, не последовал бы... Потому я и не принял мысль о существовании обратного пути... Пока не поздно, ты воспользуйся... прими... А что касается снов, ты проецируй их на реальность... Вернее, на будущую реальность... Экстраполируй... Ведь никто не знает, какова эта реальность, то есть то, какой сон сбудется... – Выговорив все это хладнокровным тоном, он поднялся, убрал пачку сигарет и зажигалку в карман, волоча свои рыбы конечности, добрался до люка и соскользнул в него...

Некоторое время я прислушивался к глухому бурлению водной массы, потом представил водоросли, которые будто причесывали наплывы стихии. Затем покинул подводный сферический блок и, двигаясь вдоль скалистого шельфа, очутился перед пещерой или гротом. Я слышал, кажется. Голос безмолвия пучины. Потом постепенно канул в пустоту, объявшую мое существо.

Это был полутемный провал, которому конца и края не видать.

Как я очутился здесь, не знал. Взору предстали люди, много людей в архаичном облачении, и я слышал незнакомый говор, так, наверно, общались средневековые люди, и они скрещивали копья и мечи и бились.

Я пытался вырваться оттуда.

Вернуться в прежнюю жизнь.

И двигался по полутемным лабиринтам. Теперь я видел каких-то людей, которые кололись, и я взывал к их помощи.

Мне казалось, что нахожусь в подвалах какого-то государственного ведомства, судя по множеству накачанных охранников. Некогда здесь отправляли в небытие тех, кто рвался к свету. Здесь пахло не жизнью, а смертью.

Какой-то солдат сказал: «Я выведу тебя отсюда», – почему-то засмеявшись, взял меня под руку, потащил, потом достал шприц: «Колись. Вот выход. Чтоб выбраться отсюда, надо быть таким, как все». Я не хотел уподобляться всем, потому, вырвав руку, пустился бежать. Но никуда не мог выбраться. «Не беги, сынок. Бежать бессмысленно. Здесь, что внутри, что снаружи – одно и то же. Верхний, земной мир давно уничтожен. Той жизни, куда ты рвешься, которой гредишь, больше нет», – это был незнакомый старческий голос.

Я огляделся. В полутьме различил фигуры, рассмотрел лица... И опешил... Гусейн Джавид о чем-то беседовал с Мохаммедом Хади. В углу сидел Микаил Мушфиг. Мирза Джалил сжигал свои рукописи.

Я узнал их, вспомнив портреты, висевшие на стенах нашей школы.

Джавид-эфенди подошел к огню очага.

– Я мерзну... Не могу согреть свои кости... Ноги коченеют, и шерстяные джорабы не помогают... Знаешь, по сути они, потомки, повторяют нашу ошибку... Мы тоже дали маху. Нам бы надлежало строчить друг на друга. Нельзя выделяться из массы... Ведь не стали бы сажать всех... – Джавид-эфенди вдруг обратил свой взор на меня.

– Ага, и ты сюда попал? – Сняв пенсне, он подошел ко мне. – А где же Вагиф Баятлы?

Я пожал плечами.

– Что ж... Но ты, пока не поздно, переменись. Переменись, чтоб грядущие поколения не стали их холопами. Ради них и руководителя. Если ты изменишься, сможешь их защитить...

– А...? – я не успел договорить.

– Нас погубили вопросы. Не задавай вопросов, никуда не суй носа, так вот, гляди и на ус мотай. Учись меняться.

– Мне холодно! – сказал я и выбежал оттуда. Сколько бежал – не помню.

Бабушка моя при свете керосиновой лампы штопала носки.

– Бедненький мой. Извелся, небось?

– Да, – говорю. – Извели. Так я извелся, что в конце концов оставил их. И каждый юркнул в какую-то нору.

– Если так пойдет, ничего не останется.

Я кивнул.

– А где дедушка?

– Седло шьет. Говорит, коня купит.

– Думаешь, с конем их согнать воедино?

– Аллах милостив.

– Расскажи-ка мне сказку.

– Сказку? Не надоели тебе сказки?

Прищурившись, продела нитку в игольное ушко.

– Ладно. Будь по-твоему. Рассказать о Джыртдане?

– Нет. Про Джыртдана не хочу.

– Тогда о Мелик-Мамеде.

– Тоже не хочу. Там братья срезают веревку, чтобы он сорвался в колодец...

– Может, про мышку?

– Нет, и про мышку не надо.

– Что ж тогда, детка, сказывать?

– Мою сказку сказывай, мою.

– Но если залает собака, ты не пугайся, ладно?

Не успел ее голос отзвучать в ушах, как я почувствовал чей-то взгляд на своем лице и открыл глаза.

22. По течению, или на лай собаки

Он явился и воззрился на меня сквозь очки. Мне казалось, что я только что хорошенько попарился в бане. Очистился. И все предстало мне ясным. И я видел его. Он был прекрасен. Воздел раздвоенный золотистый хвост и ударил им по подводной сфере. И сфера раскололась

на сотни осколков. Брызги, как хрустальные осколки, устремились к поверхности моря. Они взлетали вверх, а я опускался вниз. Я ощущал от этого радостное облегчение.

И по мере нарастания этого облегчения я чувствовал, что легкие мои расширяются, взбухают, обретая форму жабр, конечности превращаются в плавники... Я преображался и стал плыть. Но плыл не сам, меня несло течение воды. Я был счастлив и блажен.

А таинственная рыба плыла очень далеко от меня, я пытался достичь ее...

Где-то лаяла собака...

Октябрь 2002 – июнь 2003г.